

Закон Призрака

Автор:

Дмитрий Силлов

Закон Призрака

Дмитрий Олегович Силлов

Апокалипсис-СТСнайпер #17

Есть такой закон Зоны: сталкер, который сумел выйти живым из аномалии «веселый призрак», сам становится Призраком Зоны.

Человеком, способным слышать ее Зов.

Понимать, о чем шуршат гроздь «жгучего пуха».

Предугадывать поведение «гравиконцентраторов» и «мясорубок».

Убивать быстрее других...

Но что будет, если в Зоне встретятся двое – Снайпер, сумевший чудом вырваться из лап «веселого призрака», и сталкер-легенда, сделавший это ранее и обезображенный до неузнаваемости смертоносной аномалией?

Ведь Призрак в Зоне может быть только один...

Дмитрий Силлов

Закон Призрака

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

* * *

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

© Д. О. Силлов, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Я достал из ножен «Бритву», сверкающую, словно маленькое солнце.

– Ну что, пошли домой, в мир Кремля?

– Он еще спрашивает! – возмущенно отозвался Фыф, нагруженный оружием и боеприпасами, словно боевой слон. – Кто ж еще спасет наших девчонок от той твари, что уволокла их прямо у нас из-под носа?

Маленький одноглазый шам был прав, сейчас каждая минута на счету. Пятиглазый псионик, предводитель целой армии мутировавших тварей, взял в

плен Настю, подругу Фыфа, и мою Марию... И мы ничем не смогли им помочь. Более того, были вынуждены бежать из мира Кремля в другой мир – черновыльскую Зону отчуждения, куда я однажды поклялся никогда не возвращаться. Но теперь, когда «Бритва» заряжена энергией, а сами мы вооружены до зубов, ничто нам больше не мешало вновь попытаться рассеять границу миров и прорваться в параллельную вселенную, чтобы освободить наших любимых женщин.

Я кивнул, сосредоточился, мысленно налаживая контакт с моим ножом, способным вскрывать границы между мирами, после чего размахнулся и нанес длинный удар, словно вспарывал сверху донизу большую картину, растянутую от пола до потолка...

Послышался омерзительный скрежет, словно я попытался разрезать толстое бронестекло перочинным ножом. Вдоль линии моего удара на мгновение появился след разреза, заполненного сверкающим золотом, – который, впрочем, тут же исчез. В прохладном вечернем воздухе Зоны повис запах пережженного металла...

– Что это? – недоуменно спросил Фыф.

– Без понятия, – озадаченно произнес я, уже успевший привыкнуть к безотказности заряженной «Бритвы» в плане разрезания границ между мирами.

– Попробуй еще раз, – посоветовал шам. – Может, ты плохо сосредоточился. Думай, блин, как следует, разучился, что ли, в Зоне?

– Сталкерам и военным думать не обязательно, у нас всё на рефлексах, – огрызнулся я. – А будешь на психику давить, могу рефлекторно в лоб засветить.

– Ответку ментально по мозгам получить не боишься? – ехидно поинтересовался Фыф, но, перехватив мой яростный взгляд, тут же поднял кверху обе лапки: – Всё-всё, я заткнулся.

Я и вправду взбесился, но не подколка шама была тому причиной. Это было бешенство от бессилия. Я уже понимал, что ни черта у меня не получится. «Бритва», подзарядившаяся золотой энергией от артефакта «Ноготь Мидаса», потеряла свои чудесные свойства. И теперь нам с Фыфом закрыта дорога в мир

Кремля. Навсегда ли? Не знаю. Ни хрена я теперь не знаю...

Конечно, я рубанул еще раз – со всего маху, от души, вложив в удар всего себя без остатка. Но на этот раз даже сверкающей черты не появилось. Лезвие моего ножа лишь со свистом рассекло сырой воздух Зоны, так же, как это сделал бы любой другой боевой нож.

– Трындец, – потерянно произнес Фыф. – Приехали...

Позади нас, за баром «Янов», взревели вертолетные двигатели. Понятно. Дегтярь с Мутантом закончили трапезу и сейчас полетят выполнять миссию, о которой мы с ними договорились ранее.[1 - О миссии Дегтяря и Мутанта, а также об их совместных приключениях со Снайпером и Фыфом можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон “дегтярева”» литературной серии «СТАЛКЕР».] А мы... А что мы? Черт его знает, что делать в Зоне двоим сталкерам, которым тут совершенно нечего делать...

Со стороны Припяти постепенно напознал густой вечерний туман, плотный, словно огромное одеяло. Если б я не знал, что Фыфу на фиг не надо создавать эту сырую взвесь (а он это может, кстати), я бы подумал, что это его работа. Хорошо, что вертолет Дегтяря успел взлететь и рокот винтов боевой машины постепенно удалялся от Янова. Боюсь, что в таком тумане вылет точно пришлось бы задержать.

Счастливые они, Дегтярь с Мутантом. Любое существо на земле счастливо, если имеет цель и средства для ее достижения. В отличие от нас с Фыфом. Цель-то есть. А вот со средством – проблемы.

– Ладно, чего тут торчать, – поежился Фыф, недолюбливающий туманы не собственного производства. – Пошли, что ли, в бар. Там вроде у них наверху гостиница, ночевать-то где-то надо...

Я уже готов был с ним согласиться, но не успел ответить.

Из плотного тумана вынырнула фигура.

Человеческая.

И в то же время – не очень...

Люди так не двигаются. Боком, выставив вперед пятерню с длинными, растрескавшимися ногтями, на которых запеклось что-то черное.

И глаза у людей обычно есть. У этой фигуры их не было – во всяком случае, в глазницах, как положено. Вместо этого глазные яблоки мотались туда-сюда по щекам жуткого персонажа в такт его шагам, подвешенные на жгутиках зрительных нервов. Наверно, просто веки с глазными мышцами подгнили, вот и вывалились гнойно-белые шарики из глазниц.

Впрочем, мертвецу это не особо мешало, как и отсутствие второй руки, на месте которой из плеча торчала желтая кость, обломанная посередине. Мертвец хотел жить, как бы парадоксально это ни звучало.

А для этого ему нужно было есть.

– Ыыыы... – завыл он, почуяв добычу, даже черные остатки ноздрей затрепетали-захлюпали от счастья, а из уголков проваленного рта потекли пузырящиеся, зеленые, трупные слюни. – Ыыыы...

– Вот тебе и «ы», – задумчиво сказал я, доставая из кобуры легкий, почти невесомый пистолет Стечкина. Его я забрал с трупа псевдо-Кречетова, оказавшегося на самом деле «мусорщиком» – одним из тех паразитов из иномирья, что сваливают в Зону отходы своего производства, которые мы называем артефактами.

В общем, вытащил я пистолет и, соответственно, выстрелил, положив пулю между глазниц живого мертвеца. На расстоянии в три метра трюк несложный, главное, чтоб тебе самому морду гнилыми мозгами не забрызгало. Китайцы, например, когда своих коррупционеров и наркоторговцев расстреливают, вообще действуют практично – двое крепко держат нашкодившего за руки, отворачиваясь при этом, а третий стреляет в затылок, упрятав свою мордочку за высокий воротник военной формы.

Я же проще сделал – перед выстрелом тряхнул головой, уронив вниз забрало шлема, выполненное из толстого бронестекла. Предохранился, то есть, от возможного попадания мозговых брызг мне на лицо.

А брызнуло, кстати, нехило. И без того очень неплохой пистолет Стечкина после арт-прокачки оказался просто фантастическим оружием. Голова зомби просто взорвалась, как перезревший арбуз, будто я ее из «Пустынного орла» расстрелял.

Правда, зомби это не впечатлило. Качнулся назад маленько и снова вперед попер, пытаюсь достать меня на ощупь. Вот ведь сволочь какая! Ну, пришлось произвести второй выстрел, в живот мертвеца, прикрытый обрывками грязного камуфляжа.

Брызнуло вторично, еще сильнее, чем в прошлый раз, – видимо, газы скопились в кишечнике. Труп сломался пополам и отлетел назад, правда отомстив мне при этом знатно. Желто-зеленая гадость, фонтаном хлынувшая из брюха мертвеца на три метра вперед, залепила мне все стеклянное забрало. Незадача какая...

Впрочем, умная система штурмового костюма шестого класса защиты ВС-4, что расшифровывалось как «Военный специальный, четвертого поколения», отреагировала адекватно – на защитное стекло немедленно брызнули струйки омывателя. Я уже порадоваться хотел было, вот мол, как классно все продумали создатели наших «шкур», даже к Фыфу повернулся поделиться впечатлениями...

И прикусил язык.

Оказалось, мой друг стекло своего костюма опустить не догадался, и теперь по его лицу неторопливо стекало за шиворот содержимое кишечника расстрелянного зомби.

Фыф смачно плюнул себе под ноги – видимо, ему и в рот слегка прилетело – и отдельно так сказал:

– Твою мать, Снар, ты совсем охренел?

– Так зомби ж, – попытался отбрехаться я.

– Ну, зомби, – согласился шам, харкнув вторично на серую траву Зоны – видать, в первый раз не все выплюнул. – Ну вон еще идут. Но это же не значит, что нужно их дерьмо мне на рожу вышибать.

И рукавом своего защитного костюма принялся протирать единственный глаз – похоже, на ресницы ему тоже прилетело.

А зомби и вправду не один оказался. Из тумана, неестественно переставляя ноги, вышли еще четверо, причем за ними в тумане маячили другие корявые силуэты.

Много силуэтов.

– Назад, Фыф, – негромко сказал я, понимая, что даже прокачанным «стечкиным» с толпой мертвяков не справлюсь. – Назад, быстрее.

Но шам и без меня сообразил, что к чему. Рванул к двери, потянул ее на себя...

Закрыто. Лишь бронированная заслонка узкой щели-бойницы лязгнула, отодвигаясь в сторону.

– Зомби? – ровно спросили из-за двери.

– Нет, мля, твоя родня пожаловала! – заорал Фыф дурным голосом. – Открывай, сука!

– При атаке мутировавших объектов инструкцией предписано двери запереть до прихода подкрепления, – так же ровно ответили из-за двери.

Понятно. Охрана бара «Янов», упакованная в тяжелые экзоскелеты, о том, как себя вести в разных ситуациях, имела подробные инструкции, заменяющие все остальное – не только совесть и сострадание, но даже способность думать самостоятельно. Потому что, если начать думать, можно же инструкцию нарушить. Хотя бы иногда. Когда, например, можно запросто пустить внутрь двоих обреченных, ничем при этом не рискуя.

– Падла, – сказал Фыф, выдергивая из кобуры «ярыгин», который я ему подарил.

Но охранник, предвидя такой поворот событий, тут же вернул заслонку в первоначальное положение. Зачем конфликтовать с клиентом при наличии

инструкции и двери, грубо сваренной из броневой стали? В такую хоть все зомби Зоны могут ломиться годами без намека на результат.

И что прикажете делать в такой ситуации? Бежать? Нет, не вариант. Когда из-за тумана не видно ни черта, по Зоне особо не побегаешь. Или в яму угодишь, или в болото, или на аномалию напорешься по закону подлости.

Оставалось одно – принять бой.

Ну, мы и приняли...

Не знаю, как там дорабатывал Кречетов свой «стечкин» и что делал с патронами, но мощь у этого АПСа была поразительная. Увидев, на что способен данный пистолет, я уже не морочился на тему куда стрелять, и просто метил в шею. При удачном попадании эффект выглядел так – башку зомбака просто отрывало от тела, которое вдобавок отлетало назад метра на три.

Конечно, даже обезглавленный зомби еще живет минут десять, это всем известно. Но подняться с земли без головы ему бывает затруднительно. Ориентацию в пространстве теряет. Корчится, ползает, пальцами землю скребет – но уже не тот, что был раньше. Не сказать, что совсем не опасный, но при хорошей сноровке от такого мертвяка можно и пинками отбиться.

В общем, через две секунды на земле корчились четыре трупа – пока что относительно живых. Кстати, я только троих обезвредил. Четвертому Фыф всю башку в решето превратил из своего «ярыгина», истратив на зомбака целый магазин. Что и говорить – обычный, не прокачанный пистолет в Зоне это оружие последнего шанса, и только. Либо средство для разогрева боевого духа в ситуации, когда впереди бойца ожидает полный и всепоглощающий трындец.

Как сейчас, например.

Потому, что из тумана на нас надвигалась целая толпа мертвяков. Первые четверо, видимо, были что-то типа «отмычек» – аномалии мертвяки недолюбливают. Тупые-тупые, а насчет пожрать и предохраниться от неприятностей зомби порой проявляют удивительную смекалку.

Я вновь нажал на спуск, и обезглавленное тело самого шустрого зомби отлетело назад, рухнув на идущих следом. Слева застрекотал «Кедр» Фыфа, из которого шам наострился стрелять на удивление метко...

Но я уже понимал – не отбиться нам. Зомбаки перли сплошной стеной, штук сто их тут было, а может, и больше. В такой ситуации разве что пара крупнокалиберных пулеметов помочь может. Или...

Швырнув «стечкин» в объемистую кобуру, я сунул руку за пазуху и вытащил предмет, похожий на электрический фонарь с затейливой рукоятью и широкой линзой. Помнится, американский сталкер Рэд Шухарт как-то говорил мне, что некий матерый скупщик хабара в Хармонте предлагал за эту штуку любую сумму, которая уместится на листке чековой книжки. Забрал я ее вместе со «стечкиным» в качестве трофея у псевдо-Кречетова, того самого «мусорщика», что так старался вернуть утерянные им в Зоне суперартефакты. И называлась эта легендарная штука с одной стороны вроде звучно, но в то же время как-то скучно и обыденно – «смерть-лампа». Почему обыденно? Да потому, что смерть в Зоне вообще слово скучное, повседневное, заезженное. Каждый сталкер ту смерть видел десятки раз в различных проявлениях, так же, как и облезлые настольные лампы советских времен, частенько валяющиеся в полуобвалившихся пустых зданиях Зоны. Потому и не цепляет словосочетание «смерть-лампа» за сознание сталкера. Разве что об огромных деньгах думается, которых эта штука стоит, – и более ни о чем.

Еще там, возле вертолета, я заметил, что низ рукояти «смерть-лампы» слегка мерцает синим светом. Значит, заряжена. Значит, в рукоять у нее вставлена маленькая «пустышка», заполненная смертоносной энергией. Сама по себе «полная пустышка» артефакт невообразимо редкий, стоящий немереных денег. А уж вкупе со «смерть-лампой» это вообще нечто мозговзрывательное.

Но для меня деньги никогда не были самоцелью, а уж когда речь идет о том, быть сожранным зомбаками или же еще пожить немного, я однозначно выбираю второе, сколько бы оно ни стоило в денежном эквиваленте.

Я направил раструб «смерть-лампы» на толпу зомби и плавно нажал на спуск, одновременно ведя широким стволом слева направо, словно зачеркивал ковыляющие к нам фигуры, изуродованные смертью и Зоной.

От раструба по серой траве поползла серая тень, чуть более темная по цвету, чем хилая местная растительность. Если не знаешь, что это такое, и не заметишь с непривычки. А если знаешь, то разом настроение упадет ниже плинтуса – ибо ни у кого оно не приподнимается при виде собственной смерти.

Зомби не знали. Они, по ходу, вообще обо всем забывали при виде свежего мяса – если, конечно, кто-то из них сохранил способность помнить хоть что-нибудь. Впрочем, даже если б и знали, это ни на что не повлияло бы. Ибо от луча «смерть-лампы» никто еще не уходил, нет от него спасения.

Невидимая смерть перечеркнула первые два ряда зомби – и они попадали на землю располовиненными. Головы и часть плеч – отдельно, ноги чуть выше коленей – отдельно. А то, что было посередине, превратилось в серую пыль, совершенно незаметную на траве того же цвета. Если честно, зрелище довольно жуткое в своей inferнальной, потусторонней мощи. Сразу понимаешь, что оружие в твоей руке не из этого мира. И рукоять у него неудобная, заточенная под гибкое щупальце, а не под пальцы, и спусковой крючок слишком длинный, и с виду оно вообще какое-то... не такое. Ни брутальности в нем, ни харизмы, ни пистолетной жесткости линий. Только тупая мощь разрушения... Хотя в нашем положении все недостатки «смерть-лампы» компенсируются этим единственным плюсом.

Я три раза успел перечеркнуть толпу ходячих трупов, значительно увеличив количество фрагментов тел, об которые идущим позади приходилось спотыкаться на каждом шагу.

А четвертого – не получилось. Сдулась «смерть-лампа», пропало синее свечение внутри ее рукояти. Стало быть, теперь там не бесценный арт, а обычная «пустышка», использованный магазин смертоносного оружия «мусорщиков», которые в любой барыжной лавке скупают по курсу сто патронов калибра 7,62?39 миллиметров. Как раз на три магазина к АКМ хватит, и даже еще десяток останется. Не сказать, что дешево, но в то же время и не особо дорого. «Малая пустышка» – она и есть «малая пустышка», проходной артефакт, часто встречающийся в любой Зоне.

Зомби же между тем продолжали переть вперед, будто ничему их не научила печальная участь соседей по стае. Обычно ходячие трупы не настолько тупые, как любят их изображать создатели киноужасов. Многие о своей прошлой жизни кое-что помнят, даже порой пытаются разговаривать с живыми...

Эти же – нет. Прут вперед, будто твердо задались целью сожрать именно нас и именно сегодня...

Я бросил на землю бесполезную «смерть-лампу» и вскинул свою винтовку, грамотно прокачанную артефактами. То ли Кречетов, то ли покойный «мусорщик», напяливший на себя личину ученого, подобрал комбинацию артефактов, десятикратно дублирующих патроны этой СВД. То есть, если снарядил магазин десятью патронами, можно считать, что их там сотня. После чего придется вновь набивать магазин, либо менять на другой, в котором патронов будет обычное количество. Правда, чудо это получилось очень избирательным. Ничего другого, кроме патронов в магазине именно этой СВД, данная комбинация артефактов не дублировала. Но мне такого бонуса вполне хватало для счастья... до сего дня.

Дело в том, что СВД – это не дробовик двенадцатого калибра, пульей которого можно остановить практически любую тварь, несущуюся на тебя. Винтовочная пуля калибра 7,62 миллиметра шьет близкую цель навывлет, что для правильного зомби сродни укусу вши – если, конечно, той пульей в башку не попасть. Но и тогда приходится три-четыре патрона извести, пока та башка в кашу не превратится. Такие дела...

В общем, грохнув таким макаром еще шестерых зомбаков, я прекратил это малоэффективное занятие и вытащил из ножен свою «Бритву». Думал сначала присоединить ее к СВД в качестве штыка, но потом решил, что в плотной толпе с длинной винтовкой завязнешь моментом, а с ножом можно еще подергаться.

Конечно, неприятная это смерть, быть разорванным живыми трупами, омерзительная с виду и наверняка очень болезненная – шибко уж жутко орали те, кого рвали зомбаки, слышал, приходилось. Что ж, я тоже буду орать, причем сразу, еще до того, как в мое мясо вонзятся обломанные ногти и гнилые зубы. Когда кромсаешь вражью силу и одновременно орешь, сам себя накручивая, боль вообще не чувствуется. Ну и понятное дело, что помирать всяко приятнее под анестезией, чем без нее.

– Ладно, я пошел, – сказал я Фыфу, который как раз менял магазин своего «Кедра». – А ты вали отсюда в туман, понял? Вали, пока не поздно. Туман – это твоё, прорвешься.

И, зная, что сейчас шам начнет возражать и строить из себя героя, выдернул из-за голенища берца свой «Сталкер» и прыгнул вперед – не люблю я слушать эти киношные сопли из серии «друг, я тебя не брошу». Чушь это всё собачья. Если говорят тебе – живи, а я пошел подышать, значит, живи и не выпендривайся.

* * *

У любого безоружного двуногого, не обладающего специальными навыками, опасны три зоны тела – правая рука, левая рука и зубы. Ну, и ноги процентов на пять: в драке двуногий может пнуть в пах или под колено, но делать это правильно умеют единицы.

В моем случае ноги как источник опасности исключались – мертвяки не пинаются, опасаясь неловко грохнуться на землю, осознают, что с координацией движений у них не очень. Зато когтистыми руками машут только в путь, причем делают это с большой силой, наотмашь, словно мечом рубят. После чего, когда жертва сбита с ног, в ход идут зубы.

Даже если человеку после такого удара удастся откатиться вбок, подняться на ноги и слинять, проживет он все равно недолго. Царапины от ногтей мертвецов практически не заживают, со временем превращаясь в гноящиеся язвы. А если тебя укусил зомбак, то пиши пропало, если сразу откушенную конечность не отрубишь на дециметр выше укуса. Если не сделать этого или укус пришелся в лицо, шею или тело, то пиши пропало. Вариантов немного: или в течение суток сдохнешь в адских муках, разлагаясь на глазах, или сам превратишься в ходячий труп. Это уж у кого к чему организм больше расположен.

Исходя из чего многие сталкеры, окруженные стаей зомби, предпочитали самоубиться, нежели принять страшную смерть – либо не менее страшную жизнь после жизни. И я их вполне понимаю. Только как-то в падлу мне заканчивать жизнь самоубийством, словно несчастно влюбленная гимназистка. В бою, с двумя ножами в руках, мне оно и ближе, и понятнее.

Ну, я и врубился в толпу живых трупов, ревя, как буйвол, но при этом не теряя головы, стараясь держаться подальше от гнилых зубов, и при этом рубить по когтистым лапам.

И даже первые секунд сорок у меня это получалось.

Р-раз! – и отрубленная кисть летит по воздуху, судорожно сжимая пальцы, словно пытаюсь воткнуть их в низко летящие тучи...

Два! – и зомбак, разинувший пасть слишком широко, получает продольный разрез по ее центру, после чего нижняя челюсть трупа безвольно падает на грудь. Вряд ли у мертвеца получится теперь укусить кого-то, если, конечно, Зона не излечит свое порождение...

Три! – и лапа очередного зомби, отсеченная возле локтя, падает на землю. Моя «Бритва» с золотым сверкающим клинком, выпившая энергию «Ногтя Мидаса», теперь проходила сквозь плоть вообще без какого-либо сопротивления. Еще бы она так же границы между мирами рубила, цены б ей не было...

С «Бритвой» все понятно, она из артефакта откована и артефактом усилена. А вот мой «Сталкер» был самым обычным ножом. Хорошее боевое пырялово, но не более того. Короче, воткнул я его в пасть какому-то зомбаку, сунувшему раззявленную харю ближе остальных, – а выдернуть не смог. Мертвец пасть захлопнул, лишившись при этом нескольких зубов, и застрял «Сталкер» в той пасти. Труп же, не выпуская клинок, замахнулся – и полоснул, сука такая, своими когтями по бронеперчатке, наполовину сорвав ее с моей руки... вместе с кожей. Тыльную сторону кисти прям как огнем ошпарило. Т-твою душу...

А зомбак снова замахнулся, тварина такая...

Короче, хочешь-не хочешь, а пришлось «Сталкер» оставить в пасти трупа. Коготок увязнет – всей птичке кирдык. Пока я боролся бы за нож, мертвяки б любому разорвали меня, выковыряв из бронекостюма, как черепаху из панциря. Мертвяк с ножом, зажатым в пасти, отшатнулся назад – и тут же затерялся в толпе желающих отведать свежатинки.

Я кромсал «Бритвой» направо и налево, а на меня все равно со всех сторон наседали голодные трупы. Забрало шлема забрызгало гнойно-желтой кровью, и, чтобы видеть, куда бить, мне пришлось его откинуть...

И тут же чья-то пятерня разодрала мне щеку. Твари, м-мля...

Я ударил ножом раз, другой – и почувствовал, что мои движения становятся все более неуклюжими. В бронекостюм со всех сторон вцепились когтистые лапы зомби, захочешь – не вырвешься. Еще немного – и в лицо, и в расцарапанную руку вонзятся гнилые зубы...

– Ну, с-суки! – выдохнул я. Рванулся со всей силы раз, другой, освободил руку и сделал два движения – ударил по пряжке встроенного пояса и сразу следом – по горлу, где меж бронепластинами, защищающими сонные артерии, находилась еще одна специальная пластина, помимо своей защитной функции реагирующая именно на такого рода комбинацию ударов, обеспечивающую экстренное освобождение от брони... Ценная штука, скажем, если упал в воду и начал тонуть. Или как, например, сейчас, когда скорость движений важнее защиты.

Мертвяки, тянущие добычу в разные стороны, вдруг почуяли слабинку и удвоили усилия...

И были вознаграждены за свои труды.

Грамотно продуманный костюм ВС-4, уважительно прозванный сталкерами «Всеволодом», вдруг перестал быть единым целым и распался на фрагменты. Кому-то из мертвецов часть рукава досталась, кому-то половина грудной пластины, а кто-то кусок бронештанов урвал. Только в результате этого алчные зомби, тянущие добычу каждый на себя, по инерции разлетелись в разные стороны, сжимая в лапах несъедобные трофеи. А вкусный сталкер, то есть я, на мгновение оказался в центре относительно свободного пространства.

И, само собой, не преминул этим воспользоваться.

Прыгать я умею знатно, способность у меня такая. Раньше думал, что от цирковых родителей мне навык достался. Но потом оказалось, что мое цирковое прошлое есть не что иное, как наложенные воспоминания тех, кто решил сделать из меня машину для убийства. Специальными препаратами и программами, вживленными в мозг, те ученые сделали мои мышцы более мощными, чем у других людей. Не так, конечно, как у дружинников мира Кремля, у которых за силушку специальный ген отвечает, но тоже кое-что могу. Например, с короткого разбега, оттолкнувшись ногой от упавшего зомби, взлететь над толпой мертвяков и пробежаться по их головам – благо трупы стояли практически сплошной стеной и с мгновенной реакцией у них было не

очень. Проще говоря, не ожидали зомбаки, что кто-то решит бежать по их осклизлым тыквам, балансируя и очень стараясь не поскользнуться.

Идеально, конечно, не получилось. Разок сорвался, оторвав каблуком берца гнилое ухо. Но, к счастью, не упал, оттолкнулся от плеча трупа и побежал снова – благо бежать оказалось не особенно далеко. Сразу за толпой кадавров туман становился намного реже, и уже можно было разглядеть знаменитые кольца «Янова», на которых гнили головы тех, кто рискнул затеять дебош в знаменитом баре.

Я оттолкнулся от лысины крайнего зомби, сделал сальто в воздухе, приземлился на ноги и побежал, еще не веря, что смог вырваться из смертельной ловушки. То, что это ловушка, приготовленная именно для меня, сомнений не было – достаточно посмотреть на странный туман, окутывающий толпу зомби. Сразу приходит на ум тактика шамов из мира Кремля, которые напускают похожий туман, дабы скрыть от врагов войска союзников, идущих в атаку. Искусственный туман, нереально агрессивные и организованные зомби – все это не случайно. И если я хочу жить, нужно бежать, бежать изо всех сил подальше от места, где на меня открыта охота.

За Фыфа я не боялся. Как только я бросился на зомби, вся толпа тут же сосредоточилась на мне. Надеюсь, что шаму удалось ускользнуть от того, кто так страстно желал превратить меня в корм для ходячих мертвецов. В любом случае, я ничем не мог ему помочь – как и он мне, кстати. Его ментальные силы были на исходе, а «Кедр» против целой кучи зомби – это не оружие. Хороший парень этот шам, и дай Зона ему удачи. Глядишь, найдет он способ пробиться в мир Кремля, спасет свою Настю, и будет у них все замечательно. Во всяком случае, я очень хотел в это верить.

А вот со мной все гораздо хуже.

Глубокие царапины от когтей зомби горели огнем, причем огонь этот медленно и неотвратно проникал внутрь меня. Похоже, перед тем, как царапать меня, ходячие трупы вдумчиво ковыряли в зубах ногтями, и на них остался токсичный яд. Если бы только одну лишь мою руку зацепили мертвяки, теоретически можно было б ее отрубить «Бритвой», и дело с концом. Случалось, выживали сталкеры после такого – и жили дальше инвалидами, побираясь возле сталкерских баров...

Но в моем случае это не вариант. Я так жить не смогу, да и не получится у меня ничего в моем конкретном случае: если руку еще можно отрубить, то харю с черепашки точно не соскоблишь. А проклятый огонь уже охватил всю щеку, проник внутрь. Теперь пламенем горели и десны слева, и по горлу уже медленно, но неуклонно тек расплавленный свинец – во всяком случае, ощущение было именно таким.

И это значило только одно.

Пройдет совсем немного времени, и в этом пламени сгорит все, что делало меня человеком. Мысли, чувства, воспоминания, способность думать и принимать разумные решения... И моя любовь к Марии тоже исчезнет... Останется только первобытный инстинкт – жрать, жрать, жрать... И, может, какие-то обрывки воспоминаний, похожие на пепел от страниц сгоревшей книги, где различимы какие-то буквы, но цельного текста уже никогда не восстановить...

В принципе, еще реально было самоубиться. Ножом в сердце, поворот клинка – и привет. «Бритва» войдет как в масло, икнуть не успеешь, как пойдешь по Серой тропе – причем, пока что человеком.

Но, блин, это тоже не по мне... Ну вот натура у меня такая паскудная, привык бороться до конца, не ища легких путей, и ничего с этим не поделать. Хотя, в данном случае финал уже близок и очевиден. Как только пламя коснется мозга, это уже по-любому буду не я, и никакая «Бритва» мне не поможет.

– Валяешься? – раздался у меня над головой чей-то голос.

Судя по тону вопроса, за мной с того света прислали какого-то на редкость циничного демона. А как же Край Вечной войны? Или теперь не Сестра за своими братьями ходит, а посылает вместо себя какого-то наглого подручного?

Я с усилием разлепил веки.

Надо же, получается, последние несколько минут я валялся на спине, прямо вот честно собираясь бороться до последнего. На самом же деле меня просто срубил зомбитоксин, имеющий, говорят, свойство генерировать перед переходом нехилые глюки. Так, может, этот силуэт, нависший надо мной, тоже глюк, которому нужно плюнуть в размытый контур головы и бороться, блин, бороться

до последнего...

Я рассмеялся – вернее, невнятно хмыкнул. Борец, ёксель, ага. Ни рукой, ни ногой не пошевелить, а туда же.

– Валяешься, – констатировал голос, так и не услышав ответа на свой риторический вопрос. – Зашибись. Стало быть, ждешь перехода. Ну, жди, жди. Скоро тебя накроет, и будешь как все. В смысле, что люди, что зомби – они ж, сука, одинаковые в своей основной массе. Жрут, гадят, живут на инстинктах. Отличие – где? Лично я не вижу. Ладно, чего трепаться зазря. Помню я тебя, духовитым ты сталкером был в свое время. Поэтому если боевой дух в тебе остался, помоги себе сам. Вон там, за смотровой вышкой, обосновался «веселый призрак». Сумеешь добраться – просто входи в него. Это твое спасение.

Я с усилием разлепил спекшиеся губы.

– Вот спасибо... добрый человек, – вытолкнул я из себя. Говорить было трудно, язык еле ворочался во рту – зомбитоксин уже охватил почти все горло и ротовую полость. – Мне намного проще... ножом по горлу... чем тащиться туда.

– Твой выбор, – кивнул силуэт, за которым нимбом мерцало заходящее солнце. Лица я рассмотреть не мог и все силился вспомнить, где я слышал этот голос. Хотя, если вдуматься, на хрена мне голос какого-то придурка на пороге смерти? Но такая уж противоречивая у людей натура – вот-вот сдохнет, а все равно пытается вытащить из умирающего мозга совершенно ненужную информацию.

– Твой выбор, – повторил силуэт. – Но меня в свое время цапнул зомби. Глубоко, аж кусок мяса выдрал. Ну я и решил не ждать, пока перекинусь в ходячего мертвяка. Шагнул в «веселый призрак» – и, как видишь, живой и здоровый. Только учти, это очень больно. И да, чуть не забыл. Ты все должен сделать сам, помощи не жди. Иначе на хрена тебе жить, если ты за свою жизнь бороться не хочешь? Логично? Логично. Ну и вот. Короче, бывай. Вижу я, что боевой дух в тебе кончился, а мне такие персонажи неинтересны. Перекинешься в зомбака – лучше мне не попадайся. Не люблю я эту публику.

И ушел. Падла такая... Я ж реально ни рукой, ни ногой... И вслед ему проорать все, что о нем думаю, уже не могу, зомбитоксин полностью парализовал и язык, и мышцы нижней челюсти. Только промычать получилось что-то

нечленораздельное, удаляющийся силуэт нисколько не впечатлившее. Ну и хрен с ним... Мало ли уродов по Зоне шастает. Только где ж, блин, я его голос слышал?

Эта мысль не давала мне покоя. Как и еще одна, беспокоившая меня не меньше.

«Веселый призрак» – смертоносная аномалия, порой встречающаяся в некоторых районах Зоны. С виду напоминает смерч высотой метра два, практически невидимый, когда эта опасная турбуленция охотится. Как нажрется, так успокаивается, стоит себе, отдыхает, покачиваясь и лениво вращая вокруг себя всякий мусор. Видимая вполне, спокойная, выдохшаяся. Пока снова не оголодает и не направится на охоту.

Название аномалии объясняется ее свойством менять форму перед атакой, становясь карикатурно похожей на силуэт жертвы. Про этот странный эффект всякие легенды ходят. Кто-то говорит, что внутри нее и вправду виден призрак предыдущей жертвы аномалии, но, скорее всего, это просто эффект зеркала. Аномалии так удобнее поглощать жертву. Настигла, обволокла, словно в чехол упаковала, – и размазала своими вихрями по прозрачной оболочке. Жуткое зрелище, кстати. Только что стоял человек внутри «веселого призрака», трясясь, будто от хохота, – и вот уже вместо него кровавый силуэт, контурами напоминающий несчастную жертву.

Но, в то же время, тот урод сказал, что он, будучи укушенным зомби, сумел выжить внутри «веселого призрака» и излечиться. Конечно, придурков везде хватает, и в Зоне в том числе, но такими вещами даже вообще конченные не шутят. Потому, что Зона сто пудов услышит и отомстит, причем как всегда с выдумкой, про которую потом в сталкерских барах будут легенды рассказывать. Не любит Зона, когда в адрес ее порождений прикалываются. Хотя все объяснимо – какой матери понравится, когда на ее детей поклеп возводят? А Зона – заботливая мать. Что для аномалий, что для нас, сталкеров. Порой даже на самом краю последний шанс дает. И если ты им не воспользовался – это уж, брат, твои проблемы.

Я замычал, словно контуженный буйвол, рванул – и сел, тяжело привалившись спиной к какой-то гнилой коряге. Угу. Урод со знакомым голосом, получается, говорил вон о той смотровой железнодорожной вышке, похожей на толстую кирпичную колонну, сверху которой водрузили небольшую деревянную

избушку. Неплохо, кстати, сохранилась постройка, даже вон стекла в одном из окон поблескивают. И расстояние до той вышки – метров сто, не более. Только не пройти мне те метры. Сил нет, организм частично парализован. Да и надо ли идти? Сейчас вот спокойно стану зомбаком, и...

– Хрррррен тте!.. – выплюнул я то ли хрип, то ли стон, то ли рёв. В моем состоянии и не поймешь, что получилось проорать не пойми кому – а, скорее всего, самому себе, своему слабому человеческому телу, твердо вознамерившемуся сдохнуть. Одновременно с выкриком собрал я все оставшиеся силы, поднял правую руку с зажатым в ней ножом – и воткнул золотой клинок прямо в левое распухшее запястье, которое расцарапал зомби. Теперь оно было похоже на кусок красного, воспаленного мяса, в которое клинок легко вошел на четверть своей длины. При этом я почти ничего не почувствовал – ножевое ранение вообще зачастую особой боли не вызывает, так, словно слабый разряд тока ударил в руку. Ладно.

Я резко выдохнул, выхаркнув то ли сгусток слизи, то ли кусок разложившегося горла, и резко повернул нож в ране раз... другой... третий...

Есть!

Адская боль пронзила руку до локтя, стрельнула выше, в плечо. В глазах помутнело. Ага, я все-таки достал до нервного узла, которые даже у зомби частично сохраняют свои функции – когда в них попадают пули, ходячие мертвецы по-любому произвольно дергаются.

Я же пока еще в зомби не превратился, поэтому прострелило меня нехило. А боль – это в любой сложной ситуации лучший стимулятор. Только что сил не было ни на что, и вдруг – на тебе. Дернулся я, и даже смог встать на ноги... И тут же упал... И поднялся снова.

Нож остался торчать в ране, кончик лезвия был виден с другой стороны руки, и с него на землю капало что-то зеленовато-желтое. Но главное – рука болела. Адски. Чуть не до потери сознания. Человеческого сознания. Пока еще человеческого...

Эта боль не давала мне погрузиться в пучину блаженного беспомыслия, которое дарил зомбитоксин, и я шел вперед, с титаническим усилием переставляя

непослушные ноги. Шел ковыляющей походкой живого трупа к цели, которую мне указал какой-то урод, не пожелавший пройти мимо и дать мне спокойно сдохнуть...

Я ударился об стену смотровой вышки всем телом, не рассчитав очередного шага. «Бритва» звякнула кончиком лезвия о кирпич, новая порция боли пронзила мою руку.

Но это было уже не важно.

Я дошел до вышки и уже видел, что да, правда, за ней метрах в полутора от выщербленного угла действительно покачивается некая прозрачная субстанция, лишь чуть-чуть, совсем немного визуально изменяющая контуры кустов, расположенных за ней. Будет такое торчать на пустынной дороге, и сам войдешь в него, не заметив и не почувствовав ничего – до тех пор, пока двухметровый смерч не начнет размазывать тебя по своим внутренним стенкам.

«Да и похрену», – хотел я сказать. Но не смог. Вместо слов изо рта потек густой гной – первый признак начинающегося перехода. Все живые блюют гноем перед тем, как стать живыми трупами. Значит, осталось мне быть человеком не больше минуты...

Взгляд уже стремительно заволакивала белесая пелена. Это мутнела роговица глаза – естественный процесс перехода, результатом которого являются характерно-белые глаза зомби. Но, прежде чем этот молочный занавес опустился мне на глаза, я рванулся всем телом навстречу аномалии – которая, в свою очередь, двинулась было ко мне, в процессе перемещения принимая форму человеческого тела... и остановилась, словно в нерешительности, будто задумалась, надо оно ей или ну его на фиг.

Но было уже поздно.

Я перешагнул невидимую черту, окунулся в этот полупрозрачный манекен... и тут же в мое тело впились тысячи, миллионы невидимых рыболовных крючков, которые принялись раздирать его на части. Я попытался закричать, рванулся вперед, рефлекторно уходя от невыносимой боли...

Но уйти от нее было невозможно. Проклятые крючки пластали меня по живому, рвали кожу, мышцы, сухожилия, ломали ногти и фаланги пальцев, дробя их в пыль... На какое-то мгновение я увидел, как аномалия, в центре которой я оказался, окрасилась моей кровью – причем окрасилась странно. Не превратилась в сыто покачивающуюся алую фигуру-призрак, о которой так много ходит сталкерских легенд, а стала какого-то нездорового, красно-желто-зеленого цвета, словно в чашку с вишневым киселем от души харкнули тягучими, гнойными, гайморитными соплями, а после хорошенько это все размешали.

А потом я перестал видеть что-либо – вероятно, призрак уничтожил мой глаза, как и все остальное тело...

Но странно...

Я все равно продолжал осознавать себя в этом абсолютном мраке.

Мое «я» никуда не исчезло, просто освободилось от боли и всех остальных ощущений заодно. И это было прекрасное ощущение. Меня больше не связывало ничто. Ни тело с его ограниченными возможностями, ни эмоции, результатом которых являются взлеты и падения настроения, ни воспоминания... Прекрасное, неповторимое ощущение свободы от всего земного, бренного – и откровенно ненужного. Если это и есть смерть, то что может быть прекраснее нее? Это ж как из тюрьмы откинуться, где ты столько лет пребывал в заключении, ограниченный в движениях, связанный обязательствами, законами общества, страхом сделать что-то не так и понести за это наказание... Зона меня побери, да сама жизнь – это и есть наказание за что-то очень жуткое, что ты совершил в этом прекрасном мире полной свободы от всего совершенно тебе не нужного! Жизнь – это не прекрасный подарок, а мучительный срок заключения, который ты получаешь за какую-то невысказанную, невысказанную провинность...

Однако маленький червячок все-таки шевелился в самом дальнем уголке этого царства восторга. Ворочался там, нарушая идиллию, отвлекал от наслаждения. Эдакая незначительная помеха-мыслишка, на которую бы плюнуть и забыть, как не обращают внимания люди на мелкое насекомое, бьющееся об оконное стекло со стороны улицы.

Но это шевеление раздражало все больше, и я – так и быть – позволил себе обратить на него внимание.

И тут же понял, что сделал это зря. Но было поздно...

«А как же твоя жена, которая сейчас в мире Кремля ждет твоей помощи? Что будет с Фыфом, которого в том мире ждет любимая? И друзья твои в Кремле, на которых сейчас прёт неисчислимая орда Пятиглазого? Кто их предупредит о напасти, кто им поможет, если не ты?»

Ну, и всё... В мгновение ока вся эта свобода-благодать стала для меня неважной. Курьерским поездом ворвалась в мое кайфующее «я» моя прошлая жизнь, которую нужно было теперь вернуть во что бы то ни стало. Ибо не время умирать, когда твои близкие ждут от тебя помощи...

И вернулась боль...

Она пронзила меня тысячью ледяных клинков, свернула в дугу – и швырнула куда-то, как выбрасывает хозяйка в мусорное ведро старую, ненужную тряпку. Я даже почувствовал удар, правда, на фоне всепоглощающей боли он показался чем-то очень и очень незначительным. Хотя сознание за него зацепилось и даже послало сигнал:

«Упал... На что-то твердое...»

И тут же следом:

«Вонь... Зона меня побери, какая же вонь!»

Смердело мертвечиной. Концентрированной, какая встречается порой на дне раскопанных могил в гробах, прогнивших сверху, но еще целых снизу. Эдакая жижа гнойного цвета, в которой лежит скелет, облепленный лоскутами почерневшей кожи.

Любой нормальный человек поспешит от такого отвернуться, и я – не исключение. Чисто автоматически я повернул голову... и невольно застонал от боли в шее.

Вот оно что! Значит, у меня есть шея, а стало быть, и голова имеется! А как же «веселый призрак» и слишком явственное ощущение смерти, которое я теперь вряд ли когда забуду?

Я с некоторой опаской попытался разлепить веки – и у меня это получилось на удивление легко. Вообще во всем теле чувствовалась какая-то небывалая легкость. Теперь я был полностью уверен: у меня снова есть тело! Я лежу на земле в позе эмбриона, обхватив ладонями колени, совершенно голый, и уже начинаю помаленьку покрываться гусиной кожей – осень в Зоне сырая и холодная, как прикосновение неуспокоенного трупа.

Еще не совсем веря в произошедшее, я медленно разогнулся, при этом периодически прикусывая себя за губу от боли. Тело ныло, словно его долго и увлеченно дубасили палками, но это уже была терпимая боль, от которой нормальные мужики сознание не теряют и не орут благим матом.

Примерно через минуту мне удалось полностью разогнуться и даже сесть. Угу. Интересное кино.

Получается, аномалия меня поглотила, как ей и положено по рангу, но переварить не смогла. Подавилась – и выплюнула несъедобную пищу, при этом блеванув ядовитой ее составляющей. Вот в метре от меня растеклась по земле нехилая гнойная лужа, поверхность которой еще слегка пузырится. Видимо, это тот самый зомбитоксин, благодаря которому я почти превратился в ходячий труп.

Но ни в Зоне, ни в остальном мире «почти» не считается. Ага, а еще по земле тут и там разбросаны лоскуты ткани и кусочки кожи, которые словно гигантские кошки когтями драли. Стало быть, это то, что осталось от моего камуфляжа и берцев. Грустно. Потому что голый сталкер в Зоне и без оружия – это мертвый сталкер. Ну, может, еще не совсем мертвый, но по-любому, это лишь вопрос времени.

Интересно, конечно, зачем после того, как «веселый призрак» разобрал меня на атомы, он снова вернул меня в первоначальное состояние перед тем, как выплюнуть. Вернее, здоровое тело в одну сторону, а вся гадость, что была во мне, – в другую. Не проще было просто блевануть пакостью, которую по ошибке проглотил?

Ну да, в нашем человеческом понимании, несомненно, проще. Никогда не понять нам, зачем аномалиям держать на весу перевернутые грузовики или, скажем, плющить в лепешки все, что в них попадает. В нашем, человеческом понимании, это просто трата колоссальной энергии впустую.

Но это – в нашем. У Зоны же понимание совершенно другое, над логикой которого вот уже много лет бьются лучшие умы планеты, при этом не продвинувшись в своих исследованиях ни на миллиметр. Все, что мы можем, – это собирать дары Зоны, удивляться и строить теории, одна другой хлеще, при этом теория про «мусорщиков» – не исключение. И ведь строя такие теории, все понимают: скорее всего, чушь это крысособачья. Никогда не понять нам Зоны до конца. Не из нашего мира она, другая она, совершенно другая. И сколько ни подгоняй нашу человеческую логику к тому, что происходит в Зонах, все равно ни хрена не поймем мы. Ничего. И никогда.

Такие вот мысли бродили у меня в голове, пока сам я бродил вокруг «веселого призрака», собирая драные тряпки, дабы связать из них нечто вроде набедренной повязки, – все-таки бродить по Зоне в чем мать родила как-то несолидно. Кстати, помимо тряпок нашел в серой траве заляпанные зеленоватой слизью кайдексовые ножны от моей «Бритвы» с выдавленной на них загадочной надписью «SSCH». Не понравился аномалии пластик, отрыгнула она его вместе со мной. Лучше б нож вернула, сволочь. На кой мне теперь ножны без ножа?

Кстати, сам «веселый призрак» сейчас был хорошо видим и напоминал сильно уставшее карликовое торнадо, наглотавшееся всякой дряни. Внутри него медленно, нехотя так вращались кусочки жухлых листьев, серые травинки, обрывки моего камуфляжа, и длинные, тягучие нити гнойного цвета – видать, не всю гадость отрыгнула аномалия, что-то еще в ней осталось от столь неудачно проглоченной добычи. Так и вертелось в голове некогда слышанное «необходимо экстренное промывание желудка», «жадность фраера сгубила» и «мертвый сталкер опаснее живого лоха». Наверно, тот, кто придумал последнюю поговорку, имел в виду радиационную опасность мертвых тел, вынесенных из Зоны, но к сегодняшней ситуации она подходила как нельзя кстати...

Впрочем, «веселый призрак» недолго мучился отравлением. По вялому смерчу прошла нездоровая дрожь, что-то внутри него напряглось – и из недр аномалии с характерным рвотным звуком вывалился на траву неаппетитный комок зеленоватой дряни величиной с человеческую голову, из которого торчала... рукоять моей «Бритвы»! Надо же, значит, мой нож тоже пришелся аномалии не

по вкусу!

Я подошел к комку, пахнущему какдохлая собака, на которую долго и вдумчиво гадила злопамятная кошка, выдернул нож – и поспешил убраться подальше. «Веселый призрак», наконец избавившийся от отравы, начал стремительно терять непрозрачность. То есть, еще немного, и аномалия вновь станет опасной, готовой в случае чего захватить нерасторопное тело, которое сама же только что отрыгнула. Кстати, логика прослеживается. Пока была отравлена, кушать не хотелось. Подлечилась – ну и почему бы не позавтракать тем, что сама же только что очистила от токсинов?

Короче, я предпочел прибавить шагу, вложив вновь обретенный нож в ножны и подвесив их к набедренной повязке посредством специальной защелки. «Веселые призраки», конечно, неплохие охотники, но их козырь все-таки невидимость, а не скорость передвижения. При этом, когда я уходил вдоль проржавевших рельс подальше от смотровой башни, позади меня раздался вполне явственный, почти человеческий вздох разочарования. Впрочем, вполне возможно, что мне это только показалось, – скорее всего, то просто ветер гулял в окнах давно заброшенной постройки.

Кстати, пока «веселый призрак» меня кушал, а потом отрыгивал, прошла ни много ни мало целая ночь. Видать, небыстрый процесс получился, и времени миновало порядочно с момента гибели до моего возвращения в этот бранный мир. Удивительно, но сейчас на моем теле не было ни ран, ни следов недавнего воспаления. Даже в том месте, куда я вечером воткнул свой нож, а после ворочал им в ране, виднелся лишь едва заметный звездообразный шрам. Надо же, кто бы мог подумать, что «веселый призрак» способен не только убивать живых, но и излечивать полумертвых...

Между тем над Зоной занимался рассвет, словно над кривыми деревьями какой-то псих вывесил грязный, окровавленный бинт, позади которого разместил электрический фонарь с подсевшим аккумулятором. Удручающая картина, которую вынужден наблюдать каждый, кто имел несчастье провести ночь в этом проклятом месте.

Впрочем, несмотря на мрачную картину восхода в Зоне, мое настроение можно было назвать хорошим, даже в какой-то мере замечательным. Во-первых, я выжил. Во-вторых, у меня в руке лежал нож без малейших следов каких-либо повреждений – не по зубам он оказался «веселому призраку», что не могло не

радовать. Ну, и в-третьих, у меня сейчас имелась вполне себе конкретная цель на ближайшие полчаса, весомая такая, видимая, можно сказать. Нет, конечно, цель вернуться в мир Кремля и спасти любимую никуда не делась, но в силу известных обстоятельств она была для меня сейчас недостижима.

В отличие от другой цели, расположенной совсем неподалеку.

Весомой.

Видимой.

Конкретной.

* * *

Станция «Янов» находилась сразу за убогой дубовой рощицей, искореженной радиацией. Вернее, бар «Янов», охранники которого бросили нас с Фыфом в беде, даже не попытавшись помочь. Хотя могли – более чем солидное вооружение охраны вполне позволяло расстрелять толпу зомби. Тем более, что живым танкам, запакованным в тяжелые экзоскелеты, ходячие трупы ничем навредить не могли. У экзо броня вдвое толще, чем у «Всеволода», и никакими зубами-когтями ее не пробить. Ходи себе, дави мертвяков и никуда себе не дуй при этом.

Но – не захотели. Закрыли двери, обрекая нас на смерть. Ладно.

Конечно, с ножом на танк бросаться глупо, но, в то же время, были и у меня свои козыри. После ночной смены на рассвете очень уж сильно спать хочется, это любому известно, кто хоть раз стоял на посту. А еще когда на более-менее тренированном человеке нет ничего, кроме лоскута материи на причинном месте, такой преемник Тарзана бывает крайне подвижным. Особенно если очень хочет мстить и жрать. И еще неизвестно, что больше, ибо после встречи с «веселым призраком» есть хотелось неимоверно, хоть колючие кусты начинай обгладывать, словно оголодавший верблюд. А впереди, за рощей, была еда. Много еды. Я б сейчас и глазной суп, и хвостатое жаркое умял за обе щеки, параллельно мстя подлым охранникам. Так прям и стояла у меня перед глазами дурацкая картина – мщу и одновременно жру. Двойной кайф, однако.

Но одно дело игра воображения, и совсем другое – реальная боевая задача. Тут лучше одно с другим не путать, а то вместо мести и завтрака получишь по пуле в голодное брюхо и в многомудрый мозг, натренированный написанием сталкерских романов.

Я, скрываясь за деревьями и кустами, шел к зданию вокзала станции «Янов», в котором расположился сталкерский бар-ресторан, и одновременно прикидывал свои возможности.

Получалось не очень. Один против восьми вооруженных до зубов охранников, упакованных в тяжелые экзоскелеты, – это смешно, даже когда ты сам в «Мутанте». И смешно втрое, когда на тебе лишь набедренная повязка. Тут даже офигенно крутой нож не поможет. Хотя...

До здания вокзала оставалось метров сто. Я стоял за деревом и любовался тем, как хилые солнечные лучи, пробившиеся сквозь свинцовые тучи, отражаются от голого черепа, насаженного на кол. Их еще много было, тех черепов, понатыканных вокруг станции Янов. Судьба тех, кто нарушил покой и порядок в известном баре, и предупреждение тем, кто подумывает о том, чтобы его нарушить.

Я – подумывал.

И даже кое-что придумал.

Вокзал станции представлял собой довольно длинное здание с двускатной крышей трехуровневой конструкции. Над высоким входом – подмазанная-подреставрированная надпись «Янов». А между надписью и крышей – довольно большое круглое окно, в котором медленно и лениво вращался вентилятор. По ходу, это нынешние владельцы бара озаботились комфортом посетителей, раньше оно вроде было замуровано. Ладно.

Возле входа в бар стояли два охранника, в своих экзоскелетах смахивающие на уродливые подобия боевых роботов. Угу. И плюс шестеро – внутри. Ни разу не видел, как в «Янове» происходит смена караула. Может, реально там внутри экзоскелетов не люди, а механизмы с конкретными инструкциями, вбитыми в электронные мозги? Все может быть, в Зоне я уже ничему не удивляюсь.

Большим плюсом этого поста было то, что охранники не шевелились. Почти. Только головы, упакованные в бронешлемы, порой поворачивались туда-сюда, сканируя пространство. Впрочем, это было не особенно нужно – репутация «Янова» вкупе с наглядно-показательными головами, натканными вокруг бара-ресторана, были отличной гарантией безопасности.

До тех пор, пока за дело не брался настоящий сталкер.

Подбадривая себя такими воинственными мыслями, я, прячась за деревьями и кустами, обошел бар справа.

Здесь охраны не было. И правильно – на кой она тут нужна? Глухую кирпичную стену охранять? Или насквозь проржавевшую пожарную лестницу, по которой мог попытаться залезть на крышу только конченный псих? Да и что делать на той крыше злоумышленнику? Присохшее воронье дерьмо соскребать и им в охрану кидаться?

Логично, не поспоришь. Особенно – насчет лестницы. Однако при ближайшем рассмотрении она оказалась вполне годной. Я аккуратно поскреб обухом «Бритвы» ржавый металл. Оказалось, все терпимо. Во времена СССР всё строили на века, даже пожарные лестницы варили не из труб, а из цельных стальных брусков. Сверху – ржавчина, а под ней – металл. Конечно, изрядно подъеденный коррозией, в полной экипировке я б еще подумал, лезть на крышу или поискать другие пути. Но поскольку сейчас я был практически свободен от благ цивилизации, то, не раздумывая особо, поплевал на ладони и полез наверх.

В целом можно считать, что подъем прошел удачно, если не считать одной перекладки, практически рассыпавшейся под моим весом. Но я вовремя успел рвануться вверх и отделался только глубокой царапиной на ноге. Плохо. И перевязать нечем, не говоря уж о дезинфекции. Знавал я случаи, когда в полевых условиях люди гибли от таких вот царапин, не обработанных вовремя. Что ж, значит, придется поторопиться.

Я полз по верхнему ребру крыши, мысленно кроя незлым тихим словом архитектора, спроектировавшего это здание. Может, он был и неплохим человеком, но когда ползешь по довольно острому ребру, смахивающему формой на топор-колун, как-то не до дифирамбов тому, кто такую форму придумал.

В общем, пока я дополз до намеченной точки, ободрался нехило. Ладони, колени, живот – в кровотокающих рубцах, неглубоких, но саднящих изрядно. Очень плохо. Потому, что, пока полз, очень стараясь не шуметь и почти всю грязь с крыши на себя собрал. Да, блин, ни хрена не кино, где герой всегда чист, выбрит и в штанах. Ладно. Если все получится, будут и у меня штаны. А не получится – значит, и фиг с ними. Потому, что отрубленной башке одежда ни к чему.

Круглое окно находилось точно подо мной, и я голодным брюхом ощущал легкую вибрацию вентилятора, работающего на малых оборотах. Что на малых – это просто замечательно. Иначе б все мое предприятие можно было даже не затевать.

В общем, огляделся я сверху, удостоверился, что никто не спешит с утра в «Янов» похмеляться, зацепился за неровности крыши пальцами ног, свесился с нее и, ежесекундно рискуя гробануться вниз прямо на головы охраны, как можно дальше протянул руку с ножом.

Будь в моей руке обычный нож, ничего не получилось бы. Но поскольку клинок «Бритвы» был откован из одноименного артефакта, крайне редко встречающегося в Зоне, на этот раз мне повезло все сделать без шума и пыли.

Почти что.

Лопастей вентилятора, срезанные лезвием моего ножа, попадали с легким металлическим звяканьем на дно воздуховода. Я замер на мгновение. Если охранники услышат этот звук и начнут задирать вверх бронированные головы, придется прыгать вниз, на плечи секьюрити, и рубить, рубить, рубить... пока на звук борьбы из бара не выскочат остальные и не превратят меня в фарш, обильно начиненный горячим свинцом...

Но ничего не произошло. Из глубин бара лилась негромкая музыка, которой хватило, чтобы заглушить звук падающих лопастей. Что ж, осталось только выдохнуть и продолжить.

Теперь нужно было срезать ротор. Это оказалось проще. Я стащил с себя набедренную повязку, скрутил из нее жгут, сделал петлю, захлестнул ею ротор, после чего рубанул ножом по его оси. Теперь осталось только втащить тяжелое

устройство на крышу и положить так, чтоб оно не свалилось вниз. Второе оказалось сложнее, но я справился. Надеюсь, ветер не сдует его с ребра крыши до того, как я залезу внутрь здания.

Покрошить крепление вентилятора в металлические опилки заняло не более пяти минут. Путь был свободен. Я аккуратно положил нож на дно воздуховода, после чего вполз обратно на крышу, перевернулся на живот, спустил вниз ноги и, держась за край крыши, начал ужом заползать внутрь металлической кишки, периодически наступая пятками на металлические опилки. Но на пятках любого бойца, постоянно носящего берцы, имеются такие толстые мозоли, что об них можно совершенно безболезненно сигареты тушить и такая мелочь, как стальные занозы, для них не проблема.

В общем, спасибо той подготовке, что я в свое время прошел в Легионе и горячих точках. Обычный человек, думаю, такие акробатические трюки вряд ли выполнил бы. Я же – справился.

Оказалось, что воздуховод не такой уж длинный. Вел он на довольно просторный чердак, в пол которого были вделаны четыре квадратные решетки, каждая площадью два метра на два, – эдакая примитивная вентиляционная комната с окнами вытяжки.

Я осторожно подкрался к крайнему слева и глянул вниз.

Как и предполагалось, окно было расположено над стойкой бара, и сквозь переплетения стальных прутьев решетки я разглядел блестящую лысину бармена. Он как раз обслуживал какого-то сталкера, принесшего хабар на продажу.

– Ну, давай посмотрим, – услышал я голос бармена. – Так-так, что тут у нас. Ага. Ну, «батарея» покоцана слева, значит, и цена ей будет вдвое меньше. «Булавки» мелковаты и – сам же видишь – «говорит» только одна. На них, кстати, сейчас в Зоне цена упала конкретно, в Черной Долине тех «булавок» целую прорву нашли...

Пока барыга разводил сталкерюгу на бабки, я аккуратно подрезал болты, которыми решетка была привинчена к полу. Честно говоря, я б, может, и как-то по-другому действовал, если б не услышал гнилые заходы скупщика

артефактов. Но мне даже отсюда было видно, что товар, выложенный на стойку, отличного качества. «Батарейка» была совершенной формы, без изъянов – они когда битые, тусклые, как потерянные теннисные мячики, долгое время пролежавшие в траве. Про «булавки» на глазок ничего сказать нельзя, пока сам их не сожмешь между пальцами. Правда, сжимать надо тоже уметь, не всегда они «отвечают». Да и в Черной Долине отродясь «булавок» не находили. А сталкер, что стоял сейчас перед прилавком, сразу видать – зеленый, словно советская трехрублевка. Так что и лысому ежу ясно – брешет барыга как сивый мерин. Много я в свое время таких сказок наслушался. Стало быть, пусть торгаш не обижается.

– Так что за этот товар я дам тебе...

От резкого удара моей ноги тяжелая решетка рухнула вниз, сильно долбанув бармена по лысой макушке, отчего тот без звука рухнул на пол. А следом через образовавшуюся дыру в полу прыгнул я, приземлившись пятками на жирную спину торгаша. Когда пятки голые, с пятиметровой высоты долбить ими в кафель как-то некомфортно, так что грех не воспользоваться эдакой подушкой, разлегшейся возле стойки. Бармен только крикнул. Жирный боров, отожрался, разводя сталкеров на честно заработанные бабки. Так что не обессудь, барыга. Ты с нашим братом не церемонишься, я с тобой тоже не буду.

Понятное дело, после моего столь эффектного входа в баре повисла мертвая тишина. Когда происходит подобное, народ чаще всего подвисает на несколько секунд, осознавая происшедшее.

И само собой разумеется, что эти секунды я постарался использовать с максимальной пользой.

Поднять барыгу с пола могло оказаться делом непростым, но я справился. «Бритва» помогла. Когда человек ощущает отточенную сталь возле своего горла, двигаться он начинает гораздо быстрее. Вот и бармен вскочил довольно шустро, косясь при этом на нож, зажатый у меня в руке. Я – понятное дело – немедленно развернул торгаша лицом к залу, встав при этом за его спиной. Любой бармен, управляющий куплей-продажей на крупной точке, является одновременно и ее владельцем: нанятых работников к артефактам никто не допустит – некоторые из них на Большой Земле миллионы стоят. Так что сейчас я вне всякого сомнения держал нож у горла владельца бара «Янов», прикрываясь его мясистой тушей словно щитом. В собственного шефа охрана

стрелять не станет, на эту тему у них точно должна быть инструкция, в списке таковых стоящая на первом месте.

– Чего тебе... надо? – прохрипел торгаш, по жирному затылку которого катились крупные капли пота.

– Скажи своим псам, чтоб сложили оружие и выметались из бара, – проговорил я.

Обычно в таких ситуациях народ не выпендривается, но, к моему удивлению, барыга не послушался моего приказа.

– Не могу, – дрожащим голосом проговорил он. – У кибов есть встроенная инструкция при захвате заложника стрелять на поражение, если захвативший в течение пяти минут не освободит захваченного. Меня продавец охранников специально предупредил, когда я их покупал, такая уж у них программа...

– Кибов? – удивился я. – Это еще что такое?

– Люди с заблокированной памятью о своем прошлом, встроенными боевыми управляющими модулями и улучшенными физическими характеристиками, – пояснил торгаш. – Недавно поступили в продажу. Их выпускает секретное НИИ, расположенное на территории Зоны. Годы разработок на них потратили, но товар получился отличный, на Большой Земле идет нарасхват. Вот и я прикупил по случаю, у меня в том НИИ знакомства, скидку дали аж двадцать пять процентов...

– Ситуация: захват заложника, – вскидывая автомат, внезапно проревел ближайший к стойке киб, упакованный в экзоскелет. – Согласно инструкции программы «Киб», пункт четырнадцать Б, нарушителю на раздумье дается пять минут для того, чтобы отпустить захваченного. Время пошло. Если захваченный не будет отпущен, открываю огонь на поражение без учета безопасности захваченного...

Но я уже не слушал, что там нес этот живой танк, в котором так мало осталось от обычного человека. Значит, вот оно как. Кибы. Люди с заблокированной памятью о прошлом с улучшенными физическими характеристиками, ходовой товар, хорошо раскупаемый теми, кто в таком товаре нуждается. Интересно, почему мне не успели вставить в башку управляющий модуль с набором четких

инструкций? Но это ладно, это потом. У меня еще есть минуты четыре до того, как кибы начнут стрелять, – вон они, все восемь штук собрались возле стойки, направив стволы в нашу сторону.

И эти четыре минуты надо потратить с пользой.

– Кто приказал не пускать меня с напарником в бар во время атаки зомби?

– Инструкция... – начал было бармен, но я слегка нажал ножом ему на горло, и он заткнулся.

– Брехня. Только мы за порог – и дверь сразу блокируется. Видеокамер у вас нет, стало быть, охрана ждала, когда мы выйдем наружу, и заблаговременно знала об атаке зомби. И о том, на что способны я и мой друг, вы тоже знали, потому и не напали на нас в баре. Кому и что было нужно от нас? Говори! Иначе сдохнешь через пару минут от кровопотери.

По моей руке потекло теплое – это «Бритва», соскучившаяся по свежей крови, легко вскрыла кожу под ухом бармена. Нет, я не вскрыл ему сонную артерию, как можно было бы подумать. Просто приложил лезвие к шее, взрезал верхний слой кожи и сделал надрез, ведя клинок вверх, будто шкуру снимал. Кровеносных сосудов на шее много, течь начинает неслабо, особенно у полных людей. Для не особо сведущего человека полное впечатление, что вскрыта сонная артерия и жить ему осталось всего ничего. Особенно если тот человек не видит себя со стороны.

– Ты меня убил! – истерически взвизгнул владелец «Янова».

– Еще нет, – сказал я, надавив обухом ножа чуть ниже разреза, типа, артерию пережал. – Говори, иначе и вправду сдохнешь, не дотянув до своей личной супераптечки с суперартефактами.

– Я его не знаю, он был в фильтрующей маске, – быстро заговорил бармен. – Пришел, выложил на стойку настоящее «кольцо». Хоть и маленькое, но настоящее, понимаешь? И сказал: «Скоро сюда придут четверо. Они очень опасны. Выпьют, закусят, расслабятся. Скорее всего, двое потом уйдут, и пусть – они не особенно интересны. Оставшиеся потом тоже выйдут наружу. Твоя задача не пустить их обратно, а потом собрать все, что от них останется, и

отдать мне». Ну, мы так и сделали. Когда зомби ушли, мои кибы нашли на месте бойни винтовку и еще что-то странное, похожее на фонарь с пистолетной рукояткой. Ну и отдали незнакомцу. Контракт есть контракт. Он остался недоволен, все спрашивал про какой-то нож и артефакты, но...

– Как он выглядел? Приметы? Шрамы?

– Я ж говорю, в маске он был. Ну, коренастый такой, снаряга приличная, взгляд пронизывающий. Вроде не молодой. Волосы я не разглядел, он в капюшоне был, но брови у него с проседью...

Угу. Бармен точно не врет, ему это без надобности. Конечно, коренастых седых мужиков в этих местах немало – есть типы, у которых кризис среднего возраста проходит под девизом «седина в бороду – Зона в ребро». Но среди них немного таких, кто точно знает, какой нож я ношу и какие артефакты могут быть у нас с Фыфом. Очень немного. Точнее – один. Который может быть опаснее многих. Очень многих...

Мои размышления были прерваны ревом киб, который вместе со своей командой продолжал держать на прицеле меня и бармена:

– Осталась одна минута. Если через одну минуту захваченный не будет отпущен, согласно инструкции программы «Киб», пункт четырнадцать Б, я и вверенное мне отделение откроет огонь на поражение без учета безопасности захваченного.

– Они нас расстреляют! – взвизгнул бармен. – Тебе что, жизнь надоела?

– Есть немного, – сказал я. – Особенно – жизнь в Зоне. Уж лучше в соседний постапокалипсис мира Кремля, чем в эти гнилые разборки. Но пока что выбирать не приходится.

Проговаривая все это, я следил за пальцем киб на спусковом крючке автомата. Шевельнется этот бронированный кусочек безмозглой плоти – тресну барыге коленом по ноге и нырну за барную стойку вместе с барменом. После чего уйду в длинный перекат до конца стойки. А там уж как повезет. Может, получится обойти кибов с фланга и, прикрываясь их телами, перерезать одного за другим. Хотя, конечно, это из области фантастики. Больно уж их много. Начнут стрелять

– так или иначе, заденут меня сто процентов. Конечно, им тоже достанется, но тяжелый экзоскелет держит автоматную пулю на близком расстоянии гораздо лучше ничем не защищенного человеческого тела.

– Если нарушитель попытается совершить побег, открываю огонь на поражение... – продолжал бубнить киб. При этом его палец начал движение, выбирая слабинку спускового крючка. Охранник бара не блефовал. Плевать бронированному на жизнь бармена. Когда есть четкая инструкция, все гораздо проще. Нет сомнений, колебаний, переживаний. Может, зря я в свое время соскочил с той загадочной программы «Киб»? Сейчас стоял бы вот так, в экзоскелете шестого класса защиты, целясь в какого-нибудь самонадеянного хомо, абсолютно безмозглый, и по этой причине полностью довольный жизнью. Безмозглым жить намного проще, чем остальным, отягощенным способностью мыслить...

– А ну-ка, ребятки, давайте стволы опустим, – раздался громкий голос за спиной киб. – Добровольно. А то придется уронить их принудительно.

Киб, целящийся в меня, резко развернулся... и тут же по моим ушам долбануло, словно совсем рядом кто-то решил пробить в стене дыру промышленным перфоратором. Автомат киб вырвало из рук хозяина, а самого бронированного нехило качнуло.

– Следующая очередь прилетит в башку любому, кто попытается дернуться, – прозвучал тот же громкий голос... очень знакомый голос. Блин, да откуда я его знаю?

Киб, не сумев сохранить равновесие после удара пули в грудную пластину, облокотился на стойку бара – и я, наконец, увидел того, кто стоял за ним с пулеметом наперевес. Того, кто совсем недавно сказал мне ровно и безразлично тем самым знакомым голосом: «Вон там, за смотровой вышкой, обосновался «веселый призрак». Сумеешь добраться – просто входи в него. Это твое спасение». Похоже, я узнал его, легендарного сталкера, с которым мы как-то пересекались в Зоне. Сталкера, который, будучи укушенным ходячим мертвецом, вошел в «веселый призрак» – и, по его словам, сумел выйти обратно. Но уверенности не было. Да, голос похож. Но лицо...

Лицо сталкера было изуродовано, словно с него сняли кожу, провернули через мясорубку, слепили из фарша кое-как подобие человеческой физиономии, а потом кое-как натянули то подобие обратно на череп.

Сейчас этот человек стоял посреди бара с пулеметом Калашникова в руках, ствол которого был направлен на группу бронированных охранников бара «Янов». Ну да, толстые грудные бронепластины экзоскелетов пуля калибра 7,62 миллиметра, пожалуй, не пробьет. Но если таковая прилетит в защитный шлем второго класса защиты с расстояния в пять метров, то что есть на голове тот шлем, что нет его – результат будет одинаковый.

– Короче, военные, оружие на пол и шагом марш к стенке, – скомандовал пулеметчик. – Согласно пункту один А инструкции, вбитой в ваши черепа, в безвыходной ситуации боевой модуль К-4 обязан следовать указаниям руководства превосходящих сил противника. А сейчас я и есть оно самое в одном лице, и превосходящая сила, и ее руководство.

– Этот сталкер прав, – прохрипел обезоруженный киб, отлепляясь от стойки бара. – Приказываю следовать инструкции программы «Киб», пункт один А.

Подчиненные даже не подумали оспорить приказ старшего. Послушно сложили на пол автоматы, подошли к стенке и как один дисциплинированно встали возле нее в позу «делайте со мной что хотите» – руки на стене, ноги расставлены, стопы в метре от плинтуса. Хорошая все-таки штука – грамотная инструкция, особенно когда ей следует противник, оказавшийся в условно-безвыходном положении. Думается мне, если б автоматчики разом развернулись и принялись стрелять, пулеметчик скошил бы, конечно, одного-двух-трех, но остальные однозначно бы его пристрелили. Но, видимо, создатели программы «Киб», заботясь о безопасности своих дорогостоящих детищ, думали по-другому – за что им от меня лично большое человеческое спасибо.

– Значит, боевой дух в тебе никуда не делся, – задумчиво произнес пулеметчик, окинув меня взглядом. – Это хорошо. Обидно было бы, если б такой матерый сталкер превратился в безмозглого зомбака.

– Не то слово, – сказал я, отпуская бармена, который немедленно схватился за свою порезанную шею. Обнаружив, что рана неопасная, он метнул в меня взгляд, полный ненависти, после чего с завидным проворством нырнул в

подсобку, расположенную сразу за стойкой, – не иначе, лечить порез и растревоженные нервы различными целебными препаратами, настоящими на артефактах.

Посетителей в баре было немного, и сейчас они с интересом наблюдали за происходящим. Это на Большой Земле бы сейчас в баре стояла паника. Но тут – Зона, в которой люди совсем другие, а с развлечениями плохо. Вот и сидел народ за своими столами, спокойно, не дергаясь, словно в театре. Прилетит рикошет в голову – судьба. А будешь суетиться, нервировать участников бесплатного шоу, шанс получить прицельную пулю промеж глаз вырастет в разы.

Я вышел из-за стойки. Пулеметчик хмыкнул:

– Ну, ты прям Тарзан. Хотя, когда я из «веселого призрака» вылез, таким же был. И вышел ты из аномалии совершенно целым, как я погляжу. В отличие от меня. Повезло...

– Тебя из-за нее, что ли, Призраком прозвали? – недоуменно поинтересовался я, до сих пор ни в чем не уверенный. Мало ли у кого голоса похожи. – Так, если меня память на голоса не подводит, ты ведь и раньше вроде...

– Что было раньше – то прошло, – прервал меня сталкер, криво улыбнувшись изуродованным ртом. – Поэтому, чтоб дальше не было меж нами непоняток, заруби себе на носу – я не знаю, о ком ты сейчас подумал. А тот, кем я был раньше, умер в «веселом призраке». И сейчас я – совершенно другой человек. Переработала меня аномалия и выплюнула абсолютно иное существо. С другой рожей и с другими понятиями о жизни. И прозвище моё мне именно «веселый призрак» дал, взамен забрав смертельную дозу зомбитоксина и мое лицо в придачу. Кстати, говорят, я в Зоне первым был, кто из «призрака» живым вышел. А ты, получается, вторым будешь. Остальным везло меньше. Кого-то зомбитоксин быстрее накрывал, у кого-то поблизости аномалии не оказалось, а некоторых «веселый призрак» либо сумел переварить, либо переварил лишь частично, как меня. Думаю, последнее – самое страшное, особенно если после такого живым останешься.

– Это точно, – сказал я, в душе сочувствуя этому сталкеру. Но если не повезло, изуродовала тебя Зона, то теперь уже ничего не попишешь. Хорошо хоть, что

жив остался. Так что, сочувствуя, я одновременно прикидывал, как бы мне половчее обзавестись одеждой.

Как показывала практика, шататься по Зоне в тяжеленном экзоскелете – не лучшая идея, исходя из чего распаковка одного из охранников отменялась с ходу. Потому я и вернулся обратно за стойку. Раздевать посетителей бара по терминаторскому методу «мне нужна твоя одежда» как-то не хотелось, а вот толщина барной стойки показалась мне подозрительной. Ну, я и рубанул по ней «Бритвой» раз-другой-третий, а после пинком просто развалил толстые доски, теперь уже ничем не скрепленные.

Интуиция меня не подвела. Бармен оказался запасливым хомяком, чтоб не шляться туда-сюда в подсобку и обратно, он предпочитал держать под рукою самый ходовой товар. Вернее, под верхней крышкой стойки.

Призрак аж присвистнул, когда увидел то, что там хранилось. Прошитые бронепластинами спецкамуфляжи – стопками. Дорогие берцы, адаптированные под Зону, – попарными связками. Оружие – в горизонтальной пирамиде. Консервы, патроны, гранаты, аптечки – на отдельных полках. Всякая необходимая мелочь типа новых полотенец, портянок, носков, термобелья – также отдельно. Товар недорогой, но ходовой, а у хорошего торговца каждая копейка в плюс. И, конечно, сейф. Надо полагать, с наличностью и артефактами. Который я тоже вскрыл «Бритвой», пока еще способной резать любой металл словно масло, – в отличие, увы, от границ между мирами.

Внутри сейфа были две полки. На верхней, как и предполагалось, лежали стопки банкнот и четыре весьма дорогих артефакта. А нижнюю почти целиком занимал пистолет, сильно напоминающий размерами знаменитого «Пустынного орла». Но явно не он. Калибр ствола раза в два больше, чем у «Desert Eagle», что невольно навевало мысли о функциональности такой вундервафли.

Хотя – и черт с ней. У меня сейчас проблемы поважнее, чем тестирование неведомой кракозябры, созданной каким-то безумным оружейником. Мне бы пару комплектов одежды подобрать, один на сейчас, второй – на смену, когда удастся капитально помыться-почиститься. Чем я, собственно, и занялся, не обращая особого внимания на действия Призрака. Ибо в Зоне у кого пулемет, тот и рулит. До тех пор, пока не появится кто-то численностью поболее, да с оружием посolidнее.

А Призрак рулил, причем грамотно.

Для начала он вежливо, но настоятельно попросил удалиться всех посетителей бара, за исключением кибов, разумеется. Мол, шоу окончено, всем до свидания.

Посетители оказались людьми понимающими. Удалились вместе с официанткой-мутантом, напоследок окинувшей Призрака заинтересованным взглядом. Ну да, brutальный мужик с пулеметом выглядит гораздо привлекательнее грязного бродяги в драной набедренной повязке с ножом. Хотя я ни на что не претендую. У меня, в конце концов, жена есть... наверное...

Стоп. Думать-переживать – не надо. Надо одеваться и вооружаться. Чем я и занялся. Взял из стопки пару полотенец, плеснул на них водой, наскоро обтерся – гигиена прежде всего, в Зоне и такая за счастье. Потом наскоро обработал антисептиком свои царапины (не кровят – и ладно), после чего довольно быстро подобрал себе пару комплектов импортного термобелья, крепкие берцы с металлическими вставками в ранты и два комплекта обмундирования, пошитого из ткани цвета «песчанка», – идеальная маскировка для прогулок в Рыжем лесу. В куртках, кстати, имелись кустарно вшитые карманы под бронепластины, пачки которых лежали тут же на полке. А рядом с кучей бронепластин лежали сталкерские КПК, и с краю – мой, который я отличу из тысячи по множеству характерных царапин, полученных за время моих странствий. Отличная находка, у меня аж настроение поднялось.

Также я разжился качественной разгрузкой, тактическим рюкзаком, парой фонарей – ручным и налобным, дефицитными штатовскими аптечками, парой гранат «Ф-1», у которых сразу свел усики и пристегнул внутренние карабины к кольцам чек, – не совсем верно в плане техники безопасности, но при наличии новой разгрузки с неразюзыанными подсумками допустимо, в таких гранаты сидят плотно. После чего принялся мучиться выбором на тему оружия. То ли «Вихрь» взять под дефицитный спецпатрон, то ли ограничиться десантно-морпеховским АКС-74, под который в Зоне боеприпасы достать не в пример легче...

Я продолжал ковыряться в трофеях, а Призрак тем временем приказал кибам снять экзоскелеты. Интересно, на фига? Уйдем мы, они ж снова их наденут. И, скорее всего, в погоню пустятся. Или расстрелять решил? В принципе, идея верная – если пленный противник потенциально опасен, правильнее его зачистить. Хотя, признаться, я не сторонник таких методов, но порой жизнь

диктует свои правила...

- Экзо сваливаем в кучу вместе с оружием, - командовал Призрак.

Кобы безмолвно подчинились - под пулеметом любой подчинится, кому жизнь дорога. А она бесценна даже для этих жутковатых созданий.

Под броней экзо оказались существа, очень похожие на мускулистых людей, с которых зачем-то сняли кожу. Наверно, для того, чтобы тело лучше сливалось с экзоскелетом, чувствовало броню, словно собственную плоть. В результате получились существа, похожие на картинки в анатомическом атласе. Темно-красные монстры, словно сплетенные из оголенной мышечной ткани. И на багровых лицах - глазные яблоки, лишённые век. Круглые, большие, бессмысленные... Неужто и я бы стал таким, если б по воле случая не соскочил с программы «Киб»?

- Одедся? Вооружился? - не оборачиваясь поинтересовался Призрак.

- Ну, типа того, - отозвался я, закидывая на плечо АКС-74 в дополнение к своему вновь обретенному «стечкину», кобуру с которым я уже успел пристегнуть к поясу, - в нашем сталкерском деле, как и на любой войне, эффективность личного огнестрела зачастую оценивается тем, насколько быстро ты сможешь пополнить боезапас. Все остальное вторично, ибо супернавороченный автомат без патронов не более чем бесполезная железяка.

- А теперь покидай в эту кучу все лишнее оружие, которым запасся бармен.

Призрак говорил уверенно, ну я и не стал спорить. В гору металла с грохотом добавились еще два АК, четыре «Макарова» и вышеупомянутый «Вихрь». Туда же я хотел швырнуть и загадочный пистолет из сейфа, но Призрак, краем глаза заметив мое движение, произнес:

- Погоди. Эта штука нам пригодится. Просто наведи ее на эту кучу и нажми на спуск.

Я пожал плечами, но вопросов задавать не стал. Ох, чует мое сердце, не случайно Призрак так вовремя появился в этом баре.

Рукоять пистолета была на редкость неудобной, как и спуск, до которого я еле-еле дотянулся пальцем. Но – дотянулся. И нажал.

Оружие в моей руке глухо хлопнуло, причем я не ощутил ни малейших признаков отдачи. Зато увидел результат...

Нехилая куча из экзоскелетов и оружия внезапно с хрустом смялась в один сплошной круглый металлический блин. Нет, скорее, в тонкую фольгу, раскатанную по полу бара. Лишь по краям ее остались лежать не затронутые невидимым прессом фрагменты – кусок приклада, словно отсеченный от автомата болгаркой, половинка стальной перчатки экзоскелета, осколок бронестекла, отскочивший от шлема...

Я аж присвистнул от удивления. Пистолет совершенно очевидно стрелял... «гравиконцентратом», или, как еще называли его сталкеры, «комариной плешью», одной из самых опасных аномалий Зоны.

– Годится, – кивнул Призрак. – То, что надо. А теперь уходим.

Что ж, уходим так уходим, я ничего против не имел. Не люблю я, конечно, когда мной пытаются командовать, но если мои желания совпадают с командой, то почему бы не подчиниться?

Кобы смотрели нам вслед глазами бессмысленными, как у зомби. Только у главаря мелькнуло во взгляде что-то по-человечески мерзкое, но тут же пропало. Да еще чуть скрипнула дверь подсобки – похоже, бармен все это время наблюдал, как мы расхищаем его добро. Плевать. Ибо нехрена было ему соглашаться на подлый контракт. Теперь пусть расхлебывает...

* * *

За порогом «Янова» было душновато. Солнце своими скудными лучами чуть подогрело землю, и этого оказалось достаточно. От недалекого болота в нашу сторону ветерок тащил удушливую вонь испарений с примесью знакомого сладковатого запаха – похоже, в той стороне кто-то сдох и теперь активно разлагался. Типичная ситуация для Зоны.

– Ну, а теперь давай его сюда.

Призрак протянул руку.

Я изобразил на лице непонимание.

– Кого его?

Пулеметчик нахмурился.

– Генератор аномалий.

– А он точно твой? – поинтересовался я, положив ладонь на рукоять «Бритвы». Конечно, Призрак оказал мне услугу, но не исключаю, что я смог бы и сам справиться. К тому же интуиция подсказывала мне, что этот сталкер появился в «Янове» не случайно. А если я подозреваю, что меня использовали втемную, словно марионетку, я становлюсь на редкость несговорчивым.

– Ладно, – сказал Призрак после десятисекундной паузы. – Отойдем? А то подозреваю, что бармен уже позвонил кому следует и сюда сейчас мчится шайка каких-нибудь материально мотивированных и хорошо вооруженных придурков.

– Логично, – кивнул я.

Можно было бы, конечно, пожелать Призраку всего наилучшего и отправиться восвояси. Правда, я не очень представлял, куда именно нужно идти, чтоб найти Фыфа, – одноглазый после атаки зомби пропал без вести, и где его искать, я не имел ни малейшего понятия. А Призрак, похоже, был в курсе всего происходящего. Поэтому беседа с ним имела практический смысл.

Шли мы недолго. Буквально в двухстах метрах от здания вокзала станции «Янов», в лесочке, стоял заброшенный кирпичный дом, из окон которого хорошо просматривалась заросшая травой единственная дорога, ведущая к станции. В доме с такими толстенными стенами можно было запросто сдерживать целую роту хорошо обученных бойцов, так что в плане безопасно поговорить место было идеальным.

– Как я понимаю, у тебя есть вопросы, – сказал Призрак, ставя пулемет на широкий подоконник стволом к дороге на «Янов». – Я слушаю.

– Имеются, – кивнул я. – Но, думаю, тебе мои вопросы известны, поэтому я тебя слушаю.

Призрак криво усмехнулся, на мгновение обнажив желтые пеньки сломанных зубов.

– Можно и так, – сказал он. – Тогда слушай. Думаю, для тебя уже не секрет, что Зоны – это тупо свалки отходов другого мира, гораздо более технологически совершенного, чем наш. А мы, сталкеры, – что-то типа очень отчаянных крыс, растаскивающих эти отходы и сбывающих их другим крысам, которые не хотят рисковать жизнями ради наживы.

Призрак презрительно сплюнул на пол.

– Как я понимаю, Создатели Зон, которых еще называют «мусорщиками», действуют так. Сначала организуют в чужом мире несколько Зон-свалок и смотрят, что из этого получится. Если результат их устраивает, Зоны расширяются, множатся до тех пор, пока весь мир не превратится в одну гигантскую свалку, зараженную настолько, что даже сами «мусорщики» признают ее опасной для своего здоровья. И тогда они находят другой мир, в котором вдруг ни с того ни с сего начинают появляться Зоны. Предположительно мир «мусорщиков» находится в районе Денеба, альфы созвездия Лебедя, о чем подробно рассказано у Стетсона в его «Истории Посещения».

Я кивнул. «Историю» я читал в свое время подробно. Американский ученый впервые дотошно исследовал проблему Зон, введя в обиход понятие радианта Пильмана, условной линии выстрела, связывающей Денеб и нашу планету. И по его теории, «пулевые отверстия» от этих выстрелов и есть наши Зоны Посещения.[2 - Об «Истории посещения» Стетсона и радианте Пильмана упоминается в «Пикнике на обочине», знаменитом романе братьев Стругацких.] С «мусорщиками» я также пересекался не раз, те еще твари. Живучие, опасные, но – смертные, что при всех их минусах является все-таки для нас большим плюсом.

– Так вот, – продолжил Призрак. – А сейчас «мусорщики» новую моду взяли – выбрасывают в Зону артефакты повышенной ценности с далеко идущими последствиями.

– Сталкивался с таким, знаю, – кивнул я.

– Ну и когда я понял, что собираются те уроды людей и все живое уничтожить, а нашу планету в одну гигантскую свалку превратить, цель у меня в жизни появилась. Закрыть им вход в наш мир навсегда, а если получится, вообще взорвать нахрен их проклятый мир.

– А это реально? – усомнился я.

– Вполне, – кивнул сталкер. – Во всяком случае, первое – точно. Для того достаточно уничтожить порталы, по которым эти твари приходят в наш мир. Говорят, в штатах кое-кому из сталкеров удалось закрыть одного Бродягу Дика. В результате сейчас Хармонтская Зона стала значительно меньше. Не исчезла пока что, но явно уменьшается в размерах.

– Отрадно слышать, – слегка удивленно хмыкнул я. Надо же, оказывается, наши с Рэдом Шухартом усилия не прошли даром. Помнится, я о наших с ним приключениях два романа написал, «Счастье для всех» и «Никто не уйдет». Мой неведомый редактор даже отписался ко мне на КПК, что их издали в его мире, и даже фото обложек прислал. Хорошие обложки. Нарисованы мощно, по-нашему, по-сталкерски, за что спасибо художнику Александру Сергеевичу Руденко. Из него бы отличный сталкер получился, уж больно круто он атмосферность Зоны чувствует и отражает ее в своих работах наилучшим образом...

– Не твоя ли то работа, с Бродягой Диком? – прищурился Призрак.

– Неважно, – мотнул я головой. – Давай дальше.

– А что дальше? Дальше и так понятно. Наша Зона расширяется постоянно, скоро до Киева доползет. Вот и хочу я в ней портал закрыть, пока она всю Украину не поглотила и в Европу не полезла. Насчет уничтожить мир «мусорщиков», конечно, не уверен, это цель-максимум. Но готов сделать все, чтоб она осуществилась.

– Ну, неплохая цель, – согласился я. – Только я-то тут при чем? Как я понимаю, ты меня в темную использовал, чтобы генератор аномалий получить. Дождался, когда кибы на меня отвлекутся, красиво вошел в «Янов» и нейтрализовал охрану, при этом никого не убив. Опасался, что за убитого киба мстить будут не по-детски?

– Соображаешь, – хмыкнул Призрак. – Отрицать не буду, было. А генератор аномалий мне нужен для того, чтобы к Саркофагу пробиться.

– То есть, ты хочешь сказать...

– Именно. Говорят, местный Бродяга Дик обосновался напрямик в одном из помещений Четвертого энергоблока, где-то рядом с Монументом.

– Который в других мирах называют Зеркалом Миров, – задумчиво пробормотал я.

– Не знаю, как в других мирах, но в нашей зоне это Монумент с кучей хорошо вооруженных придурков, которые охраняют и его, и Бродягу Дика.

– Оно и понятно, – кивнул я. – Бродяга кучу энергии требует для поддержания самого себя, а тут – пожалуйста, Зеркало Миров, фактически неиссякаемый источник энергии.

Призрак пожал плечами.

– Ну, это тебе виднее. Ну, так как, поможешь мне до Четвертого добраться и портал закрыть? А я тебе за это Долг Жизни спишу. Ты ж, вроде, дважды был там, тебе это раз плюнуть.

– Дважды был, это точно, – отозвался я. – И третий раз туда переться мне, если честно, неохота. А насчет Долга Жизни – извини, но не люблю, когда меня используют словно тупую «отмычку». Думаю, там, в баре, я бы и сам справился, так что...

– Вообще-то я видел, как пара фанатиков Монумента тащила в сторону ЧАЭС какого-то хлипкого одноглазого мутанта, – как бы между делом обронил

Призрак. – Как я понимаю, целью атаки зомби и был его захват – «мусорщикам» поднять туман и зарулить толпой зомбаков это раз плюнуть. Наверно, создателям Зоны стало интересно, что же это за новый мут в наших местах объявился. Может, опыты на нем какие-то ставить будут, препарировать там...

Я невольно скрипнул зубами. Если Призрак не врет, Фыфа захватили прислужники «мусорщиков», охраняющие Монумент и подходы к нему. Вполне возможно, что и по той причине, которую озвучил Призрак.

Что ж, если этот сталкер не врет, похоже, только что и у меня появилась довольно конкретная цель. А если соврал, ему же хуже. О чем я ему прямо и сказал:

– Хорошо, уговорил. Но если ты меня обманул, я тебя просто грохну.

– Вот и хорошо, – ощерился своей жуткой улыбкой Призрак. – В таком случае – держи. Я это нашел неподалеку от того места, где «веселый призрак» стоял. Твоё?

– Моё, – мрачно сказал я, забирая свой нож «Сталкер». Как бы не был мне неприятен Призрак, но за свой второй нож я сейчас был ему благодарен. Такая уж у меня натура – нужно мне, чтоб всегда было у меня под рукой два боевых ножа, и все тут. – Ну, и какой у тебя план?

– С этим сложнее, – вздохнул Призрак. – Раньше к ЧАЭС было сложно пройти, а сейчас вообще труба. Как ты уже, наверно, понял, кибы – это проект «мусорщиков». Отбирают наиболее крутых аборигенов и делают из них послушных боевых биороботов. До сих пор не понимаю, как ты смог вырваться из их лаборатории...

– Смог, – отрезал я. – Давай-ка лучше о деле.

– Можно и о деле. Короче, сейчас «мусорщики» свою базу укрепили так, что проникнуть через их линии охраны практически нереально. Фанатики Монумента, управляемые мутанты, поля аномалий. И, конечно, кибы, будь они неладны... Мне, честно говоря, генератор аномалий был нужен для того, чтобы к ЧАЭС пробиться, – в одиночку думал идти, хотя понимал, что это фактически самоубийство, но так хоть какой-то шанс был.

– А сейчас шансы удвоились, – хмыкнул я, протягивая Призраку генератор. – В общем, понятно, что нет у тебя никакого плана. Поэтому давай, что ли, пойдём без планирования операции. Тебе надо мир спасти, мне – кореша выручить, так что пути у нас совпадают. А дальше разберёмся по ходу дела.

– Вот такой подход мне нравится, – сказал сталкер, забирая генератор. – Чисто по-нашему, напролом.

– Напролом тоже не всегда получается, – заметил я. – Поэтому пойдём как получится...

– Тихо, – вдруг поднял руку Призрак. – Слышишь?

Я слышал. Неподалеку что-то глухо урчало. И чем ближе было это урчание, тем отчетливее я понимал – к «Янову» приближается что-то посерьезнее крытой фуры для подвоза водки и продуктов. Гораздо серьезнее.

– По ходу, по наши души приехали, – понизив голос, проговорил Призрак, снимая с подоконника пулемет. – Ну что, посидели, отдохнули, побазарили – теперь пора отсюда валить.

– Согласен, – сказал я. – Отсюда, насколько я помню, полкилометра до Лесного, а там и до ЧАЭС рукой подать.

– То есть, ты предлагаешь через Рыжий лес двинуть? Поселок Лесной как раз в Рыжем лесу стоит...

– А по-другому никак, – отозвался я. – По шоссе верхом на БТРах они нас враз догонят.

Теперь любому, кто хоть немного шатался по Зоне или местам боевых действий, даже на слух было ясно: к «Янову» подошли два БТРа, причем наверняка не пустых, а под завязку набитых хорошо вооруженными боевиками. У бармена была очень нехилая крыша быстрого реагирования.

– Что ж, твоя правда, – кивнул Призрак. – Двинули.

Ну, мы и двинули...

Граница Рыжего леса находилась сразу за домом и была видима очень хорошо. Вокруг заброшенного здания – просто кривые деревья, покрытые жидкой осенней листвой. Относительно нормальной листвой, желтой с прозеленью. В отличие от той, что виднелась на деревьях, растущих неподалеку.

Там, впереди, лес был красно-бурым, в свое время принявшим на себя наибольшую долю выброса радиоактивной пыли. Высокая доза поглощённой радиации и стала причиной такого интенсивно-агрессивного окраса листвы. Кроме того, даже сейчас, серым, хмурым днем, было заметно слабое свечение погибших деревьев, вызванное взаимодействием ферментов дерева с радиоактивными частицами. Лес фонил страшно, и даже нам, бывалым сталкерам, не раз бравшим в руки опасные артефакты, стало немного не по себе.

– Проскочим? – неуверенно предположил Призрак. – Самая лучшая защита от такого излучения – защита временем. Если поторопимся, не успеем дозу набрать...

– Если в Рыжем лесу торопиться, тогда точно не пройдешь, – сказал я. – Он торопливых не любит.

Это было чистой правдой. Высочайший уровень радиации либо убил, либо страшно изменил фауну леса. И теперь в чаще рыжих деревьев могло таиться черт знает что. Лезть напролом значило гарантированно нарваться на какую-нибудь тварь, превращенную аномальным излучением в смертельно опасное существо.

– Ладно, али пан, али пропал, – проговорил Призрак, беря пулемет наизготовку. Я тоже вскинул автомат, готовый к любому повороту событий. Если ты настолько безумен, что переступил границу Рыжего леса, то будь любезен правильно реагировать на малейшее движение. Иначе оно точно станет для тебя последним.

Что, кстати, тут же и подтвердилось.

Не прошли мы и ста метров по зараженному лесу, как впереди раздался характерный треск. Кто-то большой и сильный ломился через заросли огненно-красного кустарника, круша всё на своем пути.

Призрак вскинул было свой пулемет, но я успел слегка хлопнуть по стволу. Сталкер бросил на меня непонимающий взгляд.

– Судя по тому, как этот мут ломится не разбирая дороги, он слепой, – прошептал я одними губами. – Многие твари в этом лесу слепые от радиации. Но слышат отлично. Сюда.

Два толстенных дерева росли почти рядом, словно косяки невидимых ворот. За них мы с Призраком и спрятались, изо всех сил вжимаясь в бурую кору, растрескавшуюся от радиации. Сталкерская интуиция, за многие годы блуждания по Зонам отточившаяся, словно клинок моей «Бритвы», подсказывала мне: того, кто сейчас пер буром через кусты, не так-то просто завалить из огнестрела.

И она не подвела.

Между деревьями начало протискиваться что-то громадное, лохматое и отвратительно смердящее, примерно как если вонь зоопарковского вольера умножить на сто, а после добавить к ней концентрированный аромат вокзального сортира. Явной морды у твари не было. Я смог разглядеть только огромную кучу свалывшейся шерсти и громадные лапы с когтями, каждый из которых по длине превосходил втрое мою «Бритву». Что это было, я так и не понял. То ли медведь-мутант, то ли человек, которого аномальное излучение растащило до нереальных размеров, облепило косматой шерстью и наградило мечеобразными когтями. В Зоне все возможно. Говорят, ктулху с щупальцами на морде тоже когда-то были людьми...

Наконец трехметровой высоты тварь протиснулась между деревьями и ломанулась по нашим следам, навстречу уже очень хорошо слышному реву двигателей БТРов. Видимо, с нюхом у нее тоже было неважно, собственная вонь забивала все запахи. А вот слух – да, слухом Зона наградила мутанта в избытке. Призрак лишь чуть шевельнулся – чисто позу переменить, – как мут тут же остановился, замер на месте. Прислушивается...

Я скосил глаза. Призрак стоял на месте, словно побелевшая статуя. Вранье, что сталкеры не знают страха. Знают, лучше любого другого знают. Просто умеют ему не поддаваться и действовать адекватно в реально страшной ситуации. Другой бы ломанулся куда глаза глядят, надеясь убежать от неминуемой смерти, или, не выдержав нервного напряжения, стрелять начал. Но Призрак просто стоял, бледный, как свежоштукатуренная стенка, лишь выступившие капли пота на висках поблескивали.

Тварь же продолжала сомневаться – может, послышалось? Секунд тридцать сомневалась, за которые мы с Призраком чуть не поседели. Но тут впереди раздался треск ветвей и голоса. Похоже, ослепленный жаждой мести бармен за нами погоню отправил прямиком в Рыжий лес. Сочувствую той погоне...

Огромный мутант глухо рыкнул и рванул вперед не хуже танка, снося все на своем пути. Не особо толстое дерево, попавшее случайно под огромную лапу, просто переломилось возле корней, словно спичка. Мать моя, какая же у этой твари силища...

А потом мы вполне ожидаемо услышали крики и выстрелы. И смачно-чавкающие звуки, похожие на те, что раздаются в разделочной мясного цеха, когда тяжелый топор рубщика с размаху врезается в говяжью тушу. Жуть, конечно, для нормального человека, но не для меня. В Зоне постоянно кто-то кого-то убивает, калечит, жрет. Нормальная ситуация – впрочем, не только для Зоны, но и для остального мира тоже, по моим наблюдениям давно свихнувшегося от скуки и пресыщенности. В Зоне хоть убивают, чтобы покушать или ограбить. В отличие от Большой земли, где тем же занимаются в основном просто от нечего делать...

Мы с Призраком обменялись взглядами и, поняв друг друга без слов, рванули в обратную сторону по просеке, проложенной жутким мутантом. В ближайшие несколько минут никакая опасная тварь к ней точно не сунется, даже ктулху, которые вообще одни из самых башковитых, хитрозадых и опасных муттов Зоны. Если по лесу ломится кто-то, от кого можно фатально схватить когтистой лапой по морде, обросшей щупальцами, то нафига тому ктулху такое счастье?

Мои предположения оказались верными. Мы неслись вперед, огибая криво обломанные пни. Видать, гигантский мут появился в Рыжем лесу недавно, иначе этот танк просто бы выкорчевал его под корень. Или же он так ведет себя, когда атакует? Не знаю и знать не хочу. Лучше бежать, подальше от слабо светящихся

пней, уповая на защиту временем от фатальной радиации...

* * *

Так, не останавливаясь, мы и добежали до большого открытого участка, практически свободного от деревьев. Густой Рыжий лес неожиданно расступился, и нам открылась обширная, почти круглая, заросшая высокой травой поляна примерно полкилометра в диаметре, на которой были расположены длинные, приземистые одноэтажные строения барачного типа. А прямо перед нами маячили два покрытых грязью, ржавых стальных столба со следами выцветшей от времени синей краски. К столбам была привинчена простреленная в трех местах, рыжая от коррозии жестяная табличка, с которой почти слезло все покрытие. Но, тем не менее, на ней еще можно было различить надпись, размытую радиоактивными дождями: «П...село Лесн...й».

Историю этого небольшого и уже давно ненаселенного пункта я более-менее знал. Когда-то давно в поселке «Лесной» жили строители города Припять. Потом добротные отстроенные кирпичные помещения приспособили какое-то под художественную мастерскую, какое-то под пилораму, а одно – под вытрезвитель, учреждение в любой точке тогда еще не развалившегося Советского Союза крайне важное и необходимое.

Но сейчас в Лесном больше нечего было пилить и некого вытрезвлять. Пустые, заброшенные кирпичные бараки, уныло глядящие на Рыжий лес слепыми, черными глазницами давно выбитых окон.

– Поганое место. Как и всё в Рыжем Лесу, – сплюнул под ноги Призрак.

– Зато радиационный фон приемлемый, – отозвался я. – Можно передохнуть перед рывком на ЧАЭС. Отсюда до Саркофага километра полтора, не больше.

– Это если повезет, – хмыкнул Призрак. – Времена меняются. Говорят, «мусорщики» теперь охраняют свою базу серьезнее, чем пиндосы свой Форт-Нокс. Может, генератор аномалий поможет пробиться, лично у меня на него вся надежда...

Договорить он не успел.

В окнах ближайшего к нам барака что-то сверкнуло, и я махнул рукой – примолкни, мол. Когда в Зоне что-то непонятное посверкивает, это всегда не к добру. Это может быть, конечно, и пустая бутылка из-под водки, забытая на подоконнике каким-нибудь сталкером. Но в этом случае не начинает внутри тебя натужно так звенеть что-то, будто по натянутым нервам медиатором прошлись. Значит, не бутылка это, точно. Интуиция, особенно почему-то обострившаяся в последнее время, меня редко обманывает.

И она, мать ее, не обманула. К сожалению. Ну что ей стоило? Мне вдруг очень захотелось, чтобы то посверкивание оказалось бутылкой. Бывает такое – выкатится «перекати-поле» из заброшенного барака, словно круглая пуля из дырявого ствола старого пистолета, а ты стоишь как идиот и очень хочешь, чтобы полминуты назад в окне маслянисто сверкнула не его гладкая поверхность, а что-то другое, безобидное. Или хотя бы не настолько смертоносное...

Просто я очень хорошо помнил, как умер Майор, попавший в этот огромный студенистый шар, сквозь который сейчас тускло просвечивала стена кирпичного барака. И как стекала вниз, на серую траву, растворенная плоть с рук Адидаса, на которые попали капли желудочного сока «перекати-поля».

И сейчас эта круглая студенистая масса неторопливо так катилась к нам. Мол, куда вы денетесь, два ходячих антрекота?

Правильно, никуда не денемся. При необходимости «перекати-поле» может разогнаться до скорости хорошего автомобиля, причем сделать это очень быстро. И не каждое из них удастся разнести парой гранат. Разве только самому в него залезть да подорваться, как сделал это Майор, упокой его Зона.[3 - Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон Снайпера» литературной серии «S.T.A.L.K.E.R».]

Единственное – данный мутант, а может, аномалия, не особо оперативно умеет менять направление движения. Это я понял еще при первой встрече с ним. Запаздывает маленько, проворачивая свою нехилую массу. При достаточной доле прыти теоретически можно от него уйти в последний момент. То есть, наверно, можно... Во всяком случае, не слышал я, чтоб кому-то такое удавалось. Однако похоже, что иного выхода у нас не было...

– Делай, как я! – крикнул я Призраку. Но, увидев, что он собрался совершить, немедленно заорал: – Не вздумай!!!

Но было поздно.

Призрак целился в «перекати-поле» из генератора аномалий и совершенно не собирался поступать так, как я рекомендовал. Аномалией по аномалии? Хотя и не имелось у меня подобного опыта боевых действий, но я был уверен, что неразумно предотвращать взрыв, кидаясь гранатами в противопехотную мину, как и заливать бензином костер, желая его потушить. И хотя аналогия, возможно, не совсем верная, но суть мне казалась очевидной.

В отличие от Призрака.

Упрямо закусив губу, сталкер нажал на спуск.

Раздался знакомый глухой хлопок...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О миссии Дегтяря и Мутанта, а также об их совместных приключениях со Снайпером и Фыфом можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон “дегтярева”» литературной серии «СТАЛКЕР».

2

Об «Истории посещения» Стетсона и радианте Пильмана упоминается в «Пикнике на обочине», знаменитом романе братьев Стругацких.

3

Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон Снайпера» литературной серии «S.T.A.L.K.E.R».

Купить: https://tellnovel.com/ru/sillov_dmitriy/zakon-prizraka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)